

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

КОЛДОВСТВО

Самая страшная книга

Александр Матюхин

Колдовство

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Колдовство / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-126585-4

Утраченное века тому назад знание. Могущественная древняя сила. Таинственный гримуар, пламя свечей и заклинания на латыни... Это ли колдовство? Кровь на темном алтаре и крик обреченной жертвы. Лезвие ритуального ножа в лунном свете, кощунственная месса и адские муки... Это ли колдовство? Прикосновение к непознанному и пропащая душа. Богохульство и взгляд за грань, спасение и гибель... Это ли колдовство? Новая антология от создателей бестселлера «13 ведьм» и культовой серии «Самая страшная книга». Истории о магии, ведьмах и колдунах, написанные лучшими отечественными рассказчиками – Дарьей Бобылёвой, Максимом Кабиром, Олегом Кожиным и другими. Всё это – «КОЛДОВСТВО»...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-126585-4

© Матюхин А. А., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Любимый	6
Обмылки	17
1	17
2	24
3	30
Зеленый шум	35
Нечистые	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Колдовство

(Сост. М. Парфенов. О. Кожин)

© Авторы, текст, 2020

© Татьяна Веряйская, обложка, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Любимый

Ника была девочкой славной, отзывчивой. Когда она поняла, что Генка Лутавинов не просто забавно барахтается в переливающейся мазутными разводами воде, а действительно тонет, то захотела помочь. Пусть Лутавинов и подкараулил ее на берегу и пытался сорвать шортики, больно щипал и тискал – все-таки он тоже человек. Ника нашла среди вспененных шапок водорослей и другого речного мусора длинную палку, протянула Лутавинову:

– Держись!

Но тот уже не видел ни палку, до которой все равно было добрых два метра, ни Нику. Что-то другое он видел, бессмысленно тарашась куда-то через ее левое плечо. Ника все оборачивалась, не понимая, что же там, у нее за спиной, такого интересного, и тянула дураку Лутавинову палку. Тот пропал под водой и снова выныривал с хриплым полувдохом-полувоплем. По лестнице с набережной уже бежали взрослые, сверху бросили красный круг. Нику оттеснили, и она потеряла Лутавинова из виду. А потом у двери подъезда, в котором он жил, появилась разукрашенная цветами и завитушками, как киевский торт, крышка небольшого гроба.

Бабушка в тот день долго возилась на кухне и никого туда не пускала. А потом позвала Нику и маму к столу, который успела накрыть праздничной скатертью из вологодского кружева. Нике дали ложку необычной сладкой каши с орешками, бабушка и мама тоже съели по ложке, а оставшуюся кашу бабушка поставила на окно и велела не трогать.

– Это что? – спросила Ника.

– А это, лапушка, кутья. Угощение для тех, кто нашу еду не ест. Как в старину считалось – вроде для душенек, – объяснила бабушка.

– Для Лутавинова?

– Глупенькая. – Бабушка потрепала Нику по гладкой русой голове. – Ему-то уже без надобности.

Саня, когда увидел Нику на школьной дискотеке, тоже подумал первым делом – какая славная девочка. И ничего, что залакированная прическа разваливается. И что платье все время одергивает – платье было модное, синтетическое, чесалось все под ним безбожно. Саня выпил полбутылки пива и любил с непривычки весь мир: и музыка была отличная, и танцевали неловкие парочки в пропахшем острым подростковым потом зале очень здорово. И случайно попавшую в поле зрения Нику, которая забилась в угол, чтобы чесаться там незаметно, Саня полюбил тоже. Решился и подошел к ней, предложил потанцевать. Ника кокетливо повела глазами – красивыми, без дураков красивыми, голубыми с прозеленью, – и спросила:

– А что мне за это будет?

– А я на тебе женюсь, – уверенно мотнул приятно шумящей головой Саня.

И завязалось, закрутилось у них так быстро, как только у старшеклассников бывает, когда на всю жизнь, вдвоем против мира и строгой морали, в старых книгах по школьной программе вычитанной и воскрешенной силой полудетского воображения, потому что – в первый раз. Глаза, губы, груди, рельеф мышц – все было изучено в редкие моменты уединения, используемые жадно и до последней капли, всему вознесена безмолвная хвала. Сане нравился пунтир нетронутых волосков, спускавшихся от Никиного пупка, а Нике – запах его взмокших от постоянного томления подмышек.

А потом их почти бесплотное счастье перечеркнули две малиновые полоски на тесте, который Ника сначала долго не могла достать из упаковки, а потом еще час терпела, не решаясь сделать то, чего требовала инструкция.

Саня пришел знакомиться с Никиным семейством. Состояло оно из мамы, бабушки и парализованного, безъязыкого деда. Дед, обложенный подушками, смотрел телевизор у себя в комнате, а мама с бабушкой смотрели на прижавшихся друг к другу Саню и Нику. В фарфоровых гостевых чашках остывал чай, Ника грызла печенье – ей все время хотелось есть. Удивительно было, насколько мама, бабушка и Ника оказались похожи между собой – те же голубые с прозеленью глаза, кожа светлая, тонкая, «мраморная», те же русые-русалочки длинные волосы, даже у не поседевшей еще окончательно бабушки...

– Ты ее жалеешь, не обижай. – Мама Ники сжала Санину руку своей, узкой и неожиданно сильной. – Кто женщин из нашей семьи обижает, тот не живет долго.

Саня кивал и отчаянно улыбался. В кухне что-то с шипением полилось через край, запахло горелым. Мама испуганно охнула и метнулась спасать свое варево. Бабушка проводила ее укоризненным взглядом и придвинулась ближе к онемевшей от смущения парочке.

– Шутит она, не бойся. Если ты к нам с добром, то и к тебе с добром. Только подумай хорошенько, дело-то молодое. – Бабушка понимающе подмигнула. – Если не хочешь всю жизнь с ней жить, отступи сейчас. Доченьку ее мы и без тебя воспитаем.

Вообще-то Саня ждал сына, которого хотел назвать мужественным именем Захар.

– А вы откуда... – начал было он.

– А я, лапушка, все знаю.

Отступаться Саня не собирался: человеком себя считал порядочным и потому твердо решил в свои восемнадцать мальчишеских лет и вправду на Нике жениться.

– Зато не в армию, – говорила Санина мама и, плача, отвечивала покорно наклонявшемуся к ней сыну очередной подзатыльник. – И девочка хорошая вроде... Дур-рак! Но не в армию зато.

Хотя какая армия, Саня здоровьем с младенчества не отличался – и с почками нехорошо, и сердце слабое, и язвенный гастрит. Только в последние полгода любовь к Нике его исцелила – порозовел, вес набрал, даже видеть стал как будто лучше.

Немногочисленный свадебный кортеж чуть не опоздал в ЗАГС – украшенная лентами и колокольчиками машина, в которой везли маму, бабушку и подружек Ники, вдруг заглохла посреди улицы, будто выключилась. И сколько ни прыгал вокруг нее наемный шофер, ни заглядывал под капот – причина поломки не желала себя показывать. Через пару минут она завелась сама, но едва шофер вздохнул с облегчением и откинулся на спинку водительского кресла, как бабушка, обведя всех озорным русалочьим взглядом, шепнула:

– Девять зерен, десятая невеста, кони – ни с места!

И снова оборвалось размеренное урчание мотора, а шофер с матерным стоном ударил кулаком по рулю.

– Мама!.. – нахмурилась будущая Санина теща.

Бабушка улыбнулась девчонкам, девчонки захихикали, и машина благополучно продолжила свой путь.

Жить стали у Ники – Саня с мамой и так еле-еле, со скандалами, умещались в «малосемейке» общежития от химзавода, а таких денег, за которые можно снять свое гнездо, молодожены и в руках никогда не держали. Родилась девочка Верочка, и первой о ее прибытии в мир Сане сообщила теща. Поманила на кухню, выставила на стол бутылку, в которой плеснулось темное. Саня стеснялся пить при теще, да и крепкие напитки его организм еще не умел принимать. Но на душе было так странно и радостно, точно он сдал экзамен на звание настоящего взрослого человека, перескочил, опережая график, из поколения детей в ряды тех, кто сам умеет их делать.

Теща наполнила две стопки, Саня выпил, подивившись травяному вкусу, в котором выделялась острой горечью полынная нотка. Потом выпил еще и еще, и незаметно набрался так, что уткнулся лбом в стол, пытаясь остановить тошнотворную карусель у себя в голове...

Весь следующий день Саня проболел, и Нику с дочкой забрали из роддома без него. Он с трудом выполз в прихожую, чтобы встретить семейство с прибавлением, и снова поразился сходству Ники, ее мамы и бабушки. Они стояли рядом, одинаково усталые и простоволосые, и Ника прижимала к груди украшенный бантом сверток. Саня заглянул в него и немного расстроился, не заметив в еще скомканных чертах ребенка ничего своего. Девочка отвернулась и захныкала.

В большой, с высокими потолками квартире, где для раздвигания штор по старинке использовали специальную палку, молодым отвели собственную комнату, туда же поставили и кроватку с младенцем. Раньше это была комната тещи, та перебралась к бабушке, а парализованный дед остался в своей, персональной. Подвижной у него была только правая рука – жилистая, поросшая густым курчавым волосом. Саня побаивался деда, его воспаленных бессмысленных глаз и перекошенного рта. Да и дед его вроде как невлюбил – заметив Саню через приоткрытую дверь, принимался рычать и елозить рукой по тумбочке, скидывая с нее многочисленные медицинские приспособления для поддержания своей полужизни. С висевшей над изголовьем увеличенной желто-бурой фотографии деда в молодости на Саню с веселым презрением глядел смуглый крупноносый красавец.

Никина бабушка так и ворковала над зажатым в тиски подушек супругом. Из-за стенки Саня постоянно слышал подробные рассказы о том, что она ему сегодня приготовила и как это вкусно, прерывавшиеся ласковым: «Ничего, Андрюшенька, ничего, потерпи». И пеленки она меняла ему так часто и ловко, что не было и намека на тот тяжелый кошачий запах, который стоит обычно в доме, где есть лежачий больной. От младенца и то сильнее пахло.

И еще, когда воркование стихало, Саня иногда слышал из комнаты деда чмокающие звуки, вздохи, поскрипывание. Он сразу хватал наушники, учебник – но коварное воображение уже успевало в подробностях нарисовать ему те ухищрения, к которым сейчас прибегали – могли прибегать – за стенкой бабушка и ее недвижимый возлюбленный.

В институт Саня, как ни старался, поступить не сумел, пошел работать – сначала курьером, как полагается, потом продавцом, потом менеджером с труднообъяснимыми функциями и постепенно дорос до заместителя директора фирмы, основанной прытким одноклассником. Верочка тоже росла, росла и Ника – вширь, к сожалению. Она сразу с готовностью и даже азартом приняла правила игры в жену, мать, домовитую хозяйку, так что уже через год, а то и раньше обзавелась халатом и бесформенной прической. С утра первым делом спрашивала у Сани уютным голосом, что сегодня приготовить. Называла его исключительно «любимый» – хорошо, конечно, что не зая или котя, но порой Саню так и тянуло спросить: а ты вообще помнишь, как любимого зовут-то? О еде говорила уменьшительно-ласкательно, как о дочери – курочка, хлебушек, мяско. Саня тут же вспоминал воркование бабушки над мычащим дедом, и его передегеривало. Он пытался прогнать все это, вернуть ощущение летящего, холодящего в подреберье счастья, прижимал к себе мягкую Нику и, закрыв глаза, изо всех сил любил ее – ту, давно прошедшую, с пунктиром русых волосков на впалом нежном животе. И Ника жадно отвечала ему – пресная и потускневшая днем, ночью она становилась ненасытной, и Сане иногда казалось, что прямо под его руками истончается ее тело и кожа становится гладкой, влажной...

Потихоньку они начали ссориться. И удивительное дело – пострадавшей и обиженной из перепалок всегда выходила Ника, а вот здоровье портилось у Сани. То температура поднималась, то желудок скручивало, то моча вдруг шла бурая, страшная. И сон плохой становился: ворочался Саня, ворочался, а когда засыпал наконец под утро, чудилось ему продолже-

ние скандала, будто ругается он с Никой, а может, и не с ней – голос похож, и глаза похожи, а остальное ускользает от внимания, тонет в мареве. И ни слова не разобрать, только понятно, что не переспоришь ее, и он кругом виноват, и будет за это какое-то неопределимое, но страшное наказание. Саня просыпался, хватая ртом воздух, и долго потом успокаивался, жалел себя – вот, значит, какой он человек хороший, нервный, совестливый. Переживает.

Однажды под кровать закатилась ручка. Саня кряхтя отодвинул супружеское ложе и увидел, что паркет под ним исцарапан странными, ни на что не похожими знаками. А у самой стены лежит облепленная пушистыми комьями пыли тряпичная куколка-закрутка – безликий мятый шарик головы, раскинутые руки. И откуда что взялось, вроде сам кровать сюда и ставил, а ничего такого не заметил. Саня нашел в стенном шкафу мастику, затер кое-как царапины на паркете, а куклу выкинул в мусоропровод.

Через пару недель, повинувшись смутному подозрению, Саня приподнял край покрывала и осторожно заглянул под кровать. В пыльной полутьме белела новая куколка.

За каждой стеной ходили, говорили, дышали. Мычал бессмертный, похоже, дед. И, наверное, именно от этого непрерывного шевеления посторонней жизни вокруг у Сани начали постепенно сдавать нервы. Ему стало казаться, что рядом постоянно кто-то есть. Даже когда он оставался в квартире один – не считая, разумеется, деда, – ему чудилось, что кто-то наблюдает за ним, смотрит в спину, вздыхает над ухом, и кожа стягивается мурашками от еле заметного движения воздуха. Саня оборачивался, вскакивал – и узоры на старых обоях складывались в фигуры и лица, смотрела исподлобья с фотографий старательно замершая для увековечения пожелтевшая родня. У всех глаза были светлые, продолговатые – как у Ники, и мамы, и бабушки, и Верочки. Все портреты были женские. Саню окружали, следя за каждым его движением, легионы подретушированных копий жены и тещи.

Как-то Саня здорово перебрал на корпоративе. Вернулся поздно, все уже спали. Долго возился в прихожей, воюя с качающимися стенами и исчезающими выключателями. Вышла теща в чем-то воздушном – в пеньюаре, что ли, подумал Саня, и от этого слова его затошнило, – посмотрела и молча исчезла. Саня сполз на пол и решил, что вот сейчас посидит, отдохнет, потом сдерет наконец эти чертовы ботинки, умоется... А потом ботинки кто-то с него снял, запорхали, расстегивая пуговицы, ловкие руки.

– Вставай, Сашенька. Ничего, ничего, потерпи...

Внезапно протрезвевший Саня вскочил, шарахнулся от бабушки и набил себе шишку об угол полки. Бабушка сочувственно погладила его по плечу, он хотел крикнуть «не надо», но язык по-прежнему не слушался, и Саня хрипло замычал, совсем как дед. Натыкаясь на стены, он бросился в их с Никой комнату и там каким-то чудом упал, споткнувшись, не на пол, а в кресло. Жена и дочка заворочались, но не проснулись.

Перед тем как отключиться, он услышал за дверью бабушкин вздох:

– Не выдержит, лапушка...

В беспокойном, жарком сне Сане примерещилась большая рассерженная птица, похожая на сову, но с глазами не круглыми, а продолговатыми, человеческими. Она кидалась на него, стаскивала одеяло, била крыльями по щекам и клевалась. Саня проснулся с головной болью – не то от выпитого, не то от шишки – и синяками по всему телу. К подбородку прилипло темное перышко. Из подушки, наверное, выбилось.

Вскоре Саня начал понимать, что и впрямь не выдержит. Что не для него все это, и Ника не для него, и семья ее русалочья – тем более, никогда он здесь не приживется, так и останется чужаком, которого терпят и приглядывают за ним, ни на секунду не оставляя в одиночестве. И, наверное, даже дочка Верочка не для него. Верочка росла застенчивой букой, играла тихонько – не то сама с собой, не то с воображаемыми друзьями, которые как раз начали в моду входить.

Ни единой Саниной черточки в ней так и не проглянуло, и держалась она всегда при матери, а его как будто немножечко побаивалась.

Ночные Никины объятия стали неприятными, изматывающими, и при сопевшей в углу дочери было неловко, а еще Саню немного пугало то, как Ника шарит руками по кровати, когда он от нее откатывается, ищет его словно слепая.

А тут еще новенькая появилась на работе – Маша. Тонкая, смешливая, с акробатической легкостью бегающая на невообразимых каких-то каблуках. Саня пару раз подержался за ее теплые пальчики чуть дольше положенного, передавая всякую офисную мелочь, сразил остроумием, пригласил на кофе... А потом мечты о служебном романе, ни к чему не обязывающем, перестали приятно щекотать воображение и сами собой увяли. И Саня вновь погрузился в мрачное безразличие ко всему на свете, а при взгляде на Машу злорадно представлял, что вот станет она женой – не его женой, боже упаси, – просто получит это звание, о котором они все так мечтают, этот орден – и сразу пропадут и каблуки, и юбочки в обтяг, и шуточки в тон и поперет во все стороны неопрятное, тупое самочье естество: еда, дети, еду детям, в магазин надо, почини кран, кушай, мы уже покушали, а ты покушал?..

Все крепче и сильнее ввинчивалась в голову Сани мысль о том, что дальше так невозможно, невыносимо, что надо как-то это прекратить, вырваться из семейного круга, в котором он крутился уже столько лет, точно на колесе сансары меж костров страданий. Даже ночью он просыпался от ужаса, что так и прокрутится всю жизнь и умрет здесь, на этой самой постели... И чувствовал на потном лбу холодный вздох, и кто-то пристально вглядывался в него из темноты.

Совсем крошечным этот ужас стал, когда умерла Санина мама – главный свидетель того, что была у него когда-то и другая жизнь. На сороковой день теща накрыла на стол, в центр поставила миску каши с медом и орехами и бутылку все той же травяной домашней настойки. Саня, вернувшись с работы и застав последние приготовления, здорово рассердился – это была, в конце концов, его мама, он бы сам все организовал, если уж так важны эти ритуалы...

– Тише, тише, – примирительно зашелестела бабушка. – Так уж положено, надо душеньку проводить.

Памятуя о чудесных свойствах темной настойки, Саня пил мало и зло. И все равно пропустил тот момент, когда в голове зашумело, а к горлу подступила комком полынная горечь.

– Тяжела доля женская, – говорила между тем бабушка, подняв бокал. Закатные отблески вспыхивали в хрустальных узорах и обжигали радужку, Саня щурился. – Растила, все отдавала, а не успела оглянуться – у сыночка уже своя семья...

– Вр-рете, – тяжелым пьяным голосом перебил ее Саня и сам похолодел. Но что сказано, то сказано, сорванную крышку назад не прикрутишь – и многолетнее отчаяние брызнуло во все стороны жгучими хрустальными искрами. – Вы мне не семья!

– Любимый... – привстала со своего места Ника.

– Ты тоже!

Вот тут он ей все и высказал единым духом. Что так дальше невозможно, что он страшно ошибся в юности, и давно ее не любит, и хочет развода. Что он впахивает с утра до ночи на ребенка, который его и узнает-то с трудом. Что он застрял здесь как в болоте и ему нужна своя жизнь, свое личное пространство, чтобы не переговаривались за стенами, не подглядывали по ночам, не лезли под кровать – куколку положить... Что Ника могла бы следить за собой и хоть иногда читать что-то, кроме магазинных ценников.

– Говорить-то о чем?! О том, как ты творожок купила сегодня? Рыбку купила? Сметанку?! – орал Саня, и пена выступала у него на губах от ярости. – Покушала! Мороженку!..

По ошалевшему Никиному взгляду было ясно, что она ни о чем и не подозревала, не догадывалась, в каком аду приходится жить Сане, не понимала его совсем. Мать и бабушка

молча придвинулись к Нике поближе, дружно грохнув стульями. А за их спинами как будто тоже сплотила ряды бесчисленная родня – Сане, которому только сейчас бросились в глаза фотокарточки за стеклом серванта, почудилось, будто все эти мертвые женские лица выскочили, вынырнули невесть откуда со своей вековой миной скорбного осуждения.

– Ты, лапушка, проспись лучше да опомнись, – сказала бабушка, глядя на него как на серьезно набедокурившего, но все-таки внука. – А то наворишь дел...

– Я трезвый! – От прорвавшегося, словно душевный нарыв, гнева опьянение действительно куда-то улетучилось.

– И тон сбавь.

Господи, как же я так в них вляпался, с тоской подумал Саня. Главное – не идти на попятный, не дать слабину, а то насыдут, заткнут рот, утащат обратно в семейное гнездышко. Будут давить на жалость, на чувство долга, манипулировать. Надо выбраться, наконец, из их бабьего болота в настоящую жизнь. Замахнулся – так бей!

Мысленно сосчитав до десяти, он извинился и начал вежливо, но твердо объяснять, что пора посмотреть правде в глаза: ему здесь плохо, они с Никой давно уже не семья, а просто совместно воспитывающие ребенка люди, что они не понимают и больше не любят друг друга, и нет ничего хуже такого вот вынужденного сожительства, и надо это прекратить, разойтись, так будет лучше для всех. Ребенка они, конечно, продолжат воспитывать совместно, и для Верочки тоже будет лучше расти со счастливыми родителями, каждый из которых живет своей собственной полноценной жизнью, чем с несчастными, подспудно ненавидящими друг друга...

– Ты меня ненавидишь?.. – вскинула заплаканные глаза Ника.

...нет, он имел в виду, что надо переходить в новый этап, жизнь – она вообще одна, и совершенно понятно, что вместе перейти они не смогут: у них разные интересы, они разные люди, и, в конце концов, для Ники важнее всего семья, ее семья, в которой он всегда чувствовал себя инородным телом, и ему тяжело, он не может вечно тащить на себе эту тяжесть, эти давно умершие отношения, ему здесь, в конце концов, жутко...

– Нельзя, – громко и спокойно сказала теща.

– Что... как нельзя?

– Так нельзя. Ты не понимаешь. Нельзя тебе уходить.

– Я вам не раб! – окончательно смешался и рассердился Саня. – Решил – и уйду!

Со стены упала сувенирная тарелка с гербом Берлина. Теща привозила такие из каждого путешествия.

– Предупреждали ведь тебя, – покачала головой бабушка. – Просили: отступись, пока можешь.

В оконное стекло с налету врзался всей тушкой голубь, оставил налипшие перья и пятнышко крови. Саня вскочил из-за стола – и потянул за собой что-то небольшое, живое, вцепившееся в штанину.

– Пап...

Это Верочка, про которую все забыли, заползла под стол и решила, что очень весело будет потихоньку изловить папу. Из-за Саниного резкого маневра она стукнулась макушкой, и теперь в ее глазах наливалась слезной влагой та же обида, то же скорбное осуждение. Резкая боль пронзила не то сердце, не то, как всегда при скандалах, желудок – вместо дочери Саня увидел одну из ведьмовского легиона, будущую, бесконечно повторяющуюся жену и тещу.

В соседней комнате истошно замычал дед, загрохотал по тумбочке единственной живой рукой. Стало трудно дышать, тоскливый ужас навалился на Саню тяжелой периной – как в тех снах с упорным и неумолимым преследователем, после которых весь мир готов обнять от облегчения, что все не на самом деле. И больше всего на свете ему хотелось проснуться, оставить своих преследовательниц, всех трех – нет, четырех – в другой реальности... Саня и

сам не понял, как оказался на лестничной клетке, с ботинком на одной ноге и шлепанцем на другой, прижимая к себе рюкзак.

– Папа в командировку едет. – За незакрытой дверью бабушка ворковала над Верочкой, уже набравшей в грудь воздуха для громового рева. – А вернется – в цирк с тобой ходит. Помнишь цирк? С лошадами?

Мама все собиралась приватизировать свою «малосемейку», да так и не успела. Где-то неделю Саня жил у приятеля, а потом через него же удачно снял маленькую светлую квартирку в спальном районе. Бабушка-хозяйка рассказала ему все тонкости обращения с гомерически нелепой мебелью застойных времен – где ручка отваливается, какую дверцу лучше не открывать, а то посыплется все. Он заплатил вперед и переехал в тот же день.

Войдя в гулкую, еще свободную от человека квартиру, Саня включил свет в прихожей и подумал с облегчением, что наконец-то заживет своей жизнью, сам, отдельно – хоть и маячили еще на горизонте официальный развод с Никой, решение об опеке, все эти тягостные встречи и горы бумаг, написанных на курином языке... Будем разбираться по мере поступления, решил Саня, а пока про все это можно забыть, гори оно синим пламенем.

Вспыхнула на секунду синим пламенем, точно газовая конфорка, и разлетелась острыми стеклянными брызгами лампочка под потолком. Хрустя осколками, Саня сходил за веником, опустился на корточки, пытаясь замести в совок все и сразу, – и привычно облокотился на обувную этажерку, которая осталась в прихожей старой квартиры, а здесь ее никогда не было. Потерял равновесие и со всего размаху впечатал раскрытую в поисках опоры ладонь в самую гущу тончайших стеклянных заноз.

Кто-то встал у него за спиной, заслонив на мгновение свет, и злорадно заулыбался. Когда Саня обернулся, никого там, конечно, не было. Но он все равно кожей чувствовал эту улыбку, обнажившую зубы, длинные и острые, как впившиеся в руку осколки.

Сначала казалось, что все не на самом деле, что вот-вот он проснется в прежней постели, с рыхлой Никой под боком, вдохнет затхловатый жилой запах старой квартиры – бумажные обои, пыль, нотка жареного лука с кухни. На улице Саня озирался, ожидая, что вот-вот из-за угла покажется бывшая жена или теща – в общем, кто-то из *них*. Когда тревожное напряжение достигало звенящего предела, Саня старался посмотреть на ситуацию здраво, как бы со стороны. Он – да, подлец, эгоист – бросил нелюбимую жену, не сумел вытерпеть то, что другие, порядочные, до гробовой доски тащат, ребенка ей оставил, ни на что не претендует. И при этом до смерти боится, что кто-нибудь из ее бабьего семейства его выследит. Здоровый мужик ходит на работу дворами, прячется от двух старух и одной толстухи. На этом моменте Саня начинал злиться: да чего я боюсь-то, что они мне сделают? Пакостить будут, под дверью караулить, засудят, убьют? Бандитов наймут, скрутят и обратно уволокут? Паранойя, до паранойи довели, а сами и не могут ничего, только на нервах играть. Ведьмы... И тянулся наяву, опутывал липкой паутиной сон, в котором Саня чувствовал себя дичью, а хищника еще даже и не видно – но он уже взял след, и от него уже не избавиться.

Это наяву, а во сне к нему приходила Ника. Похудевшая и сосредоточенная, с распущенными волосами, она то нашептывала что-то на чашку с водой – чашку эту, в крупный красный горох, Саня отлично помнил: из нее пила бабушка, – то подносила что-то в щепоти к синеватому огоньку свечки, и в воздухе растекался запах серы, как от спичечной головки, и даже подушка наутро как будто пахла спичками. Много всего странного, что советуют отчаявшимся брошенкам на женских форумах, делала Ника в Саниных снах, и ему становилось ее, призрачную, так жалко, что он даже просыпался от острия жалости в сердце и начинал бегать по комнате, собираться, убежденный спросонья, что все еще можно и нужно исправить, и Ника

станет прежней, и он станет прежним и будет ее любить. Приходил в себя обычно уже у двери, иногда даже обутой.

Говорят, если человек снится – это он о тебе думает. И точно, после таких снов, когда совершенно разбитый Саня курил натошак на кухне – снова курить начал, – звонила Ника. В груди что-то испуганно дергалось, и Саня сбрасывал звонок. Тогда она строчила эсэмэски – почти издевательски заботливые, называла его, как ни в чем не бывало, «любимым», спрашивала, как здоровье, не болит ли чего, желала удачного дня. И все предлагала обратно сойтись – она, мол, простит. Словно от прощения ее что-то зависело... Ни слова о Верочке, ни слова о разводе, который так и оставался неоформленным. Как будто и впрямь был у нее какой-то тайный план по возвращению контроля над ним, и она, застигнутая сперва бегством мужа врасплох, теперь снова успокоилась. Черные буковки на дисплее казались такими непошибаемо самоуверенными, что иногда Саня, не выдержав, тоже начинал писать. Но не отправлял сообщения, потому что уж очень дико они выглядели: «Что ты со мной делаешь?», «Что ты знаешь?», «Порчу на меня навела?».

А здоровье и впрямь стало ни к черту. Там болело, тут кололо, аппетит пропал, сыпались зубы. И главное – рваный сон, постоянная тревога, будто нервы оголились, ощущение, что кто-то неотступно наблюдает, сверлит взглядом в темноте, смотрит в спину. Сане иногда казалось, что это Ника, выпрыгнувшая каким-то образом из своего мешковатого тела, превратившаяся из понятной, вдоль и поперек изученной, в злоеший фантом, следит за ним, караулит *свое*, ждет, когда он сделает неверное движение и дрогнет ниточка раскинутой ею сети. Порой он замечал краем глаза угловатую тень, которая сразу же ускользала, пряталась в темном углу или в ветках качающегося за окном дерева.

Наконец он догадался, что сходит с ума. И что образ бывшей жены, клином вонзившийся в сознание, надо вышибить таким же клином. Осенило его дома вечером, когда он привычно пил обжигающе-гадкий коньяк, чтобы заснуть. Саня нашел телефон и написал Маше с работы эсэмэску – из тех, в которых главное не содержание, а сам факт отправки. Маша ответила игривым смайликом. Саня откинулся с облегчением на спинку дивана, и тут телефон зажужжал: звонила Ника. Он быстро смахнул всплывающее окно в сторону отбоя и продолжил жизненно важную переписку с Машей. Чтобы вырваться из ведьминых когтей, надо начать все заново, лихорадочно думал он. С приятных, ни к чему не обязывающих отношений. С приятной, ни к чему не обязывающей женщиной.

Поначалу он боялся, что будет трудно с непривычки, ведь, кроме Ники, у него никогда и никого не было. Человеческие самки представлялись Сане неким отдельным видом, малопонятным и смутно враждебным. И он, как подросток, багровел от одной мысли о том, что откажут, посмеются, облапошат... Но живая, кокетливая и хваткая Маша развеяла его сомнения одним щелчком каблука. Саня глазом моргнуть не успел, как у них началась конфетно-букетная стадия. А что без восторга, без замиранья сердца – так это, может, даже лучше для душевного здоровья.

Конфеты с букетами стоили денег, и Саня нырнул в работу так глубоко, как только смог, а в оставшееся время выгуливал Машу по ресторанам и паркам. Домой приходил поздно, засыпал практически мгновенно. И если кто-то и следил за ним по-прежнему из темноты, он этого уже не замечал. Саня посвежел лицом и поверил, что жизнь налаживается.

А потом Маша впервые осталась у него на ночь. И уже перед рассветом, когда оба наконец утомились, сонно шепнула Сане на ухо:

– Принеси водички...

Саня послушно оторвал от подушки отяжелевшую голову, приготовившись встать, – и тут увидел над собой лицо. Черты его плавались, дергались, менялись, и краткими вспышками проглядывали в них то Ника, то ее бабка, то мать, то... Верочка? Мелькали там и другие, легионы тещ и дочерей, много-много женских лиц, и у всех были русалочьи глаза, в которых вспы-

хивала болотными огоньками знакомая прозелень. Лицо сияло бледным гнилушечным светом высоко под потолком, венчая собой ломаную, рваную фигуру, непроницаемо черный сгусток в предрассветных сумерках. Она была похожа на один из тех силуэтов, которые ловко вырезают из бархатной бумаги уличные художники... Фигура сложилась пополам, будто и впрямь была бумажной, беззвучно опустилась на Санину половину постели и прильнула к нему, оказавшись бархатисто-податливой, как гниющий плод, но с острыми и колючими костями.

Саня с воплем вскочил, ударил по выключателю, ринулся на кухню и там тоже зажег свет, потом схватил швабру и начал шарить ею во всех темных углах, что-то разбивая и опрокидывая. Заметалась по квартире ослепленной ночной птицей голая Маша. Саня тряс ее, задавая один и тот же вопрос: «Ты видела, видела?» Наконец Маша вырвалась и, прижав к груди легкий ворох одежды, заперлась в ванной. Там, всхлипывая и злясь, она торопливо скользнула в свое лучшее платье – молнию пришлось оставить полурасстегнутой, – натянула несвежие колготки. Дождалась, пока топот и крики за дверью чуть отдалятся, – и метнулась в прихожую. Саня выскочил к ней, когда Маша, сломав два ногтя, уже справилась с дверным замком. В трусах и со шваброй, глаза дикие, губы белые.

– Псих! – взвизгнула Маша и, хлопнув дверью, зашлепала босиком по ступенькам вниз.

А Саня тем временем выворачивался наизнанку над кухонной раковиной. Внезапно нахлынувшая тошнота выкручивала желудок, как тряпку, не давая перевести дух, а когда Саня успевал разлепить слезящиеся глаза, то видел в омерзительной жиже кровавые прожилки. Язва, черт ее дери, сколько лет думал, что зарубцевалась...

На работу утром он пойти не смог. Позвонил, сказал, что заболел. Ему и вправду было плохо – всю ночь Саня не спал, плюясь горькой желчной пеной и охотясь за тенями, которые то притворялись обыкновенными, а то вдруг внезапно меняли очертания, темнели, и в самой их глубине вспыхивала болотная прозелень. Стоило притихнуть, задремать – и что-то холодное касалось кожи, вставляли дыбом волоски от еле уловимого чужого дыхания. Саня снова вскакивал, размахивая шваброй. Несколько раз сильно падал, разбил колено и губу.

Когда взошло солнце и мир обрел привычные дневные очертания, Саня немного успокоился. Все вроде бы пришло в норму: на улице шумели люди, дрожало на занавеске теневое кружево от листвы, на работе беспокоились и желали скорейшего выздоровления. Ну конечно, думал Саня с облегчением, точно – я заболел. Потому и мерещилось всякое, и тошнило. Теперь на пару дней постельный режим, обильное теплое питье. С Машей вот только очень неловко получилось, надо позвонить, извиниться. Но Маша не отвечала. Зато на мобильном было три пропущенных от Ники и эсэмэска: «Как себя чувствуешь?»

Саня выпил ромашкового чая, забрался под одеяло и заснул почти мгновенно. Ему приснилось жаркое солнце и бесконечные колышущиеся занавеси из невесомой пенно-белой ткани, и среди этих занавесей он играл с кем-то в прятки. Наконец его обняли со спины тонкие горячие руки, развернули... Занавесь почернела, распухая и комкаясь, из белого кружева соткалось изломанное и словно обугленное женское тело с зияющим провалом под лишенными сосков грудями. Саня затрепыхался, принялся отбиваться, и тогда гибкое тело с острыми как бритва, прорывающими кожу костями оплелось вокруг него, сковывая движения, а многосуставчатые длинные пальцы сжали его предплечья, сдавили до хруста. Сухая жаркая боль полоснула по нервам – так бывает, когда неудачно ударишься локтем, – и мгновенно онемевшие руки повисли плетью. Светлые русалочки глаза смотрели на Саню со скорбным осуждением, с неизбывной обидой, а в меняющихся чертах лица вдруг отчетливо проступила юная красивая Ника. Покрасневшая, чуть вспотевшая – в точности как тогда, в первый раз, на гостевом диванчике у одноклассника. Непрошенная жадная тяжесть нагрудла у Сани под животом, и тварь, почуяв это, молниеносно обхватила ногами его бедра. Внутри она была такой же, как снаружи – состоящей из режущих углов и сдаивающих кожу граней. Голодная мясорубка, обтя-

нутая бархатной шкуркой. Дергаясь под ней, Саня выл и ревел, но не мог остановиться, не мог прервать нарастающую судорогу боли и мучительного удовольствия.

Он очнулся уже вечером. Болело все тело, а в паху жгло так, что Саня какое-то время лежал неподвижно, боясь приподнять одеяло и посмотреть, что же там. А когда решился – понял, что руки по-прежнему его не слушаются. Скопив глаза, он увидел на предплечьях длинные кровоточащие полосы, лишенные кожи. Попробовал сесть, не помогая себе руками, – с первого раза не получилось, и вдобавок свело мышцы пресса, а растереть их было нечем. Саня откинулся обратно на подушку и стал ждать, когда пройдет судорога. Мысли плавали в голове медленно и бестолково, как цветные сгустки в масляной лампе. Кажется, надо было что-то делать, как-то спастись, бежать... Надо было бежать, далеко-далеко, туда, где раскинулась необозримым чистым листом новая жизнь.

Сгустилось вокруг снежное поле, ветлы на горизонте, мелкая пороша обдала лицо колючим холодом – и Саня побежал, радуясь небывалой легкости в теле. Ледяной воздух вливался в легкие и словно обрисовывал их внутри грудной клетки хрустким морозным узором. Холод утишал боль, придавал сил – и вот уже закурился впереди дымок над крышей, там ждала Саню в избе румяная Маша, варила борщ на печи... Легкая тень заслонила свет и ястребом упала на него сверху, вминая в слежавшийся снег. Саня попытался ударить хищника ногой, и тогда что-то острое с легким щелчком перекусило ему ахиллово сухожилие. А потом цепкие пальцы нащупали в снегу его подбородок и дернули, выворачивая шею – чтобы он смотрел, не прятал лицо, чтобы видел полные бабьей покорной печали русалочки глаза... Саня завизжал раненым зайцем, но спустя мгновение мог уже только глухо мычать, впиваясь оскаленными зубами в обрывки бархатистой плоти.

День угасал, сменяясь уютной для любого происхождения теней полутьмой, и снова высветлял полосатые шторы на окне, зажигал оранжевые всполохи под неподъемными веками. От тела, прилипшего к заскорузлой от высохших человеческих жидкостей простыне, осталась одна боль. Освежаванное, еще подрагивающее в мелких судорогах мясо – вот чем оно представлялось Сане, когда он ненадолго приходил в себя.

Иногда звонил телефон. Саня тянулся к нему – или думал, что тянется, – но она, подмяв его под себя, крепче сжимала свои когтистые объятия, и он покорно замирал. Плыли под веками всполохи, сменяясь тусклой чернотой, и Саня уплывал вместе с ними все дальше и дальше...

Он очнулся оттого, что на лоб ему положили холодную мокрую тряпку, а в рот стали по ложечке вливать воду.

– Любимый... – И по щеке погладили.

Саня с трудом приоткрыл воспаленные глаза, увидел склонившуюся над ним Нику – и вздрогнул, застонал.

– Просила же – оставь адрес... Еле нашли тебя. Как себя чувствуешь? Встать можешь?

– Да помолчи ты уже, – раздался недовольный голос тещи. – Какое «встать», видишь – живого места на человеке нет.

– А крови-то сколько, лапушка моя. – Близко-близко, у самого лица Сани, зашамкали старушечьи замшевые губы: – Стань, кровь, в ране, как покойник в яме. Стань, кровь, в ране, как вода в Иордани... – Губы раздвинулись в ласковой улыбке. – Говорили же тебе – нельзя наших обижать, нельзя нашим изменять. А кто обидит – к тому матушка-печальница придет.

Кто, хотел спросить Саня, кто она, эта печальница, зачем вы ее на меня натравили, что происходит, кто вы, вы-то кто такие?! Но язык еле ворочался во рту шершавым камнем, в горле пересохло, нужен был стакан воды. Саня хотел сесть в постели, но не смог приподнять даже голову. Тяжелое и немое тело лежало неподвижно, а от попыток пошевелиться только

пробегали где-то глубоко под кожей пляшущие иголки. Саня вытаращил глаза и замычал, переходя на хриплый тоскливый рык.

– Ну не надо, любимый. Не бойся. Я же тебя всё равно люблю и прощаю за всё. Все хорошо будет, я тебя не брошу.

– Вот никогда этого не понимала. Есть же соответствующие учреждения...

– Он теперь как ребенок. А это ответственность.

– И всё одно муж в доме. Где она нового найдет – и с ребенком, и не молодка уже. Или свою судьбу ей хочешь?

– Мама!..

– А ты голос не поднимай. К дедушке его положим, как раз место есть. – Сухая прохладная ладонь легла Сане на лоб. – Потерпи, Сашенька, потерпи. Скоро домой поедем.

*Дарья Бобылёва
2018, Вентспилс*

Обмылки

1

В старую коммуналку, что располагалась в бывшем доходном доме, Ярик приезжал уже раз пять, но никогда не заходил дальше порога.

В дверях его неизменно встречала Нина Федоровна – во всех смыслах большая женщина. Она выпускала на лестничный пролет густой аромат лесных ягод, зеленых яблок, ананасов и других фруктов с едва уловимым тонким химическим запахом.

Нина Федоровна занималась мылом. Как было написано у нее на визитке красивым шрифтом: «Индивидуальное, неповторимое, только для Вас». Мыло это Нина Федоровна продавала на заказ, упаковывала в корзинки, украшала разноцветными ленточками, после чего вызывала курьера, то есть Ярика, который должен был развезти покупки по указанным адресам. Судя по всему, торговля шла неплохо. Упаковка такого вот «индивидуального и неповторимого» стоила приличных денег – в последний раз, аккуратно под Восьмое марта, Ярик привез сразу двенадцать корзинок в один из офисов бизнес-центра «Москва-Сити.» Прошла неделя – и новый вызов.

В этот раз дверь открыла не Нина Федоровна. Вместо нее на пороге оказалась худенькая девушка с растрепанными влажными волосами, завернутая в халатик.

– Вам кого? – спросила она.

– Из восьмьдесят второй, – буркнул Ярик, который всегда испытывал неловкость при общении с симпатичными девушками.

– А что же вы в восьмьдесят третью звоните? – пожала плечами девушка.

На стене висело девять звонков – для каждой комнаты в коммуналке. Звонки были старые, прикрученные к дощечке, из-под которой выползали разноцветные провода. Перепутать было проще простого.

– Мне заказ забрать. У Нины Федоровны, – снова буркнул Ярик, отчаянно осознавая всю нелепость ситуации.

– Ну, проходите. Она на кухне вроде. Не потеряетесь.

Девушка посторожилась. Дверь закрылась за спиной Ярика. В длинном коридоре коммуналки было полутемно. Под потолком горели две желтые лампочки, свет от них образовывал мутную тропинку по дощатому полу, скрывая все остальное в тени. Ощутимо пахло сигаретным дымом, и к этому запаху примешивались уже знакомые ароматы лесных ягод и лимона.

– Вам прямо, – сообщила девушка. – До упора и налево.

Под ногами разлился скрип старых досок. Справа шевельнулась тень, и вдруг в глаза Ярику ударил луч белого света.

– Стойте, ни с места! – сказал звонкий мальчишеский голосок. – Дяденька, тут кругом лава! На мыло не наступать, лужи обходить! Справитесь?

Ярик, сощурившись, разглядел пацана лет четырех, сидящего на трехколесном велосипеде. Пацан играл с детским фонариком, направляя луч то в лицо Ярику, то по потолку, то вода им по полу, на котором действительно собрались лужи от развешенного на веревках белья.

– Тебе тут не страшно вообще? – хмыкнул Ярик. – В такой темноте?

– В лужу угодить страшно, а так нет, – ответил пацан и поехал на велосипеде по коридору, бряцая звонком.

Ярик пошел дальше, уперся в дверь с буквой «Т» – судя по запахам, за дверью как будто рассыпали хлорку и одновременно с этим накурили – и свернул налево. Тут уже несложно было ориентироваться. Кухня, в отличие от коридора, была ярко освещена. На маленькую площадь,

квадратов в двенадцать, влезли шесть газовых плит со столешницами и два холодильника. У окна стоял квадратный стол, а под ним выстроились стиральные машинки. Две из них натужно скрипели, прокручивая белье.

Нину Федоровну Ярик увидел сразу. Признаться, сложно было ее не заметить. Ростом Нина Федоровна была под два метра, а весом – явно за сто килограммов. Одевалась она в просторные халаты, которые делали ее огромное тело еще более огромным и вдобавок бесформенным. Таких женщин принято гротескно изображать в российских комедиях как олицетворение старой поговорки про остановленных на скаку лошадей и горящие избы.

Потом он увидел мужчину, стоящего неподалеку от Нины Федоровны. Мужчина был заметно ниже, худой и изрядно потрепанный жизнью. Он напоминал алкоголика или даже бомжа. Под правым глазом у мужчины желтел синяк, давно невымытые волосы были аккуратно зачесаны за уши. Типичный представитель коммуналки?

Мужчина смотрел на Нину Федоровну снизу вверх с плохо скрываемым вожделением. Он обеими руками держал одну ее большую руку, гладил линии вен и розовые ногти и, казалось, боролся с сильнейшим желанием впиться в кисть губами. Нина же Федоровна свободной рукой гладила мужчину по сальным волосам и что-то вполголоса ему говорила.

Ярику сделалось неловко от всего того, что он сейчас увидел. Пришлось громко кашлянуть.

Нина Федоровна медленно перевела взгляд на Ярика и пару секунд молча его разглядывала. Казалось, сейчас она улыбнется и пригласит его присоединиться к этому странному и с трудом поддающемуся объяснению действию.

– Молодой человек, вы что здесь забыли? – спросила она вполголоса.

– Я курьер, – брякнул Ярик. – Вызов. Забрать заказы надо.

– Ах, курьер. А почему не позвонили?

Мужчина с сальными волосами отстранился и заковылял к столу, под которым тархтели стиральные машинки. Кажется, одна нога у него была короче другой.

– Я позвонил. Перепутал. Мне открыла девушка из другой комнаты...

На лбу выступила испарина. Захотелось как можно быстрее убраться отсюда на свежий воздух. В кухне было невероятно душно.

За спиной Нины Федоровны на газовой плите стояло несколько кастрюль. В них что-то булькало, то и дело в воздух взлетали мелкие брызги. Запах в кухне стоял тот самый – лесных ягод, ананасов, лимона. Мужчина забрался на табурет, выудил откуда-то сигаретку и закурил, щурясь от сизого дыма. Одна нога у него действительно была короче: левую стопу как будто отрезали, она исчезала в болтающейся брючине.

– Перепутали, – повторила Нина Федоровна. – Постарайтесь больше так не делать, хорошо? Принимайте заказ.

Она поставила на стол шесть упакованных корзинок, рядом положила папку с актами, маршрутный лист. Расписалась, где необходимо. Указала два адреса, на которые следовало доставить товар в первую очередь. Ярик же почему-то смотрел на ее руки, покрытые густой сеткой вен и еще темными и желтыми пятнышками на бледной коже. Под ногтями кое-где скопились кусочки мыла (или чего-то очень похожего на мыло?). А на большом пальце левой руки было насажено массивное золотое кольцо.

– Вы всё поняли? – спросила Нина Федоровна, вручая корзинки.

– Да. Конечно.

Он еще раз извинился и вышел в коридор. Из темноты, дребезжа звонком, выкатил пацан на велосипеде. В глаза ударил белый луч света.

– Вы наступили в мыльную лужу! – сказал он серьезным голосом. – Это к беде. Берегитесь!

Подвывая и улюлюкая, пацан снова укатил куда-то по коридору.

Маленькая квадратная коробочка завалилась под заднее сиденье. Ярик нашел ее вечером, когда вычищал салон автомобиля.

От коробочки исходил слабый знакомый аромат. Клубника, апельсины, персики, что-то еще...

Ярик нахмурился, пытаясь вспомнить, откуда она могла здесь взяться. По накладной весь товар был передан, подписи поставлены, даты записаны. Или все же нет? Неужели умудрился пропустить заказ?

Быстро пролистал накладные, не нашел ни одного пробела и немного успокоился.

Выходит, пересортица?

Иногда такое случалось: поставщики случайно добавляли лишнее, путали коробки, конверты, пакеты. Ярик относился к пересорту философски – нужное оставлял себе, а ненужное возвращал.

С мылом выходило просто – грех не воспользоваться шансом и не узнать, что же там такое варит Нина Федоровна, раз ее товар раскупают как горячие пирожки.

Ярик прямо там, у автомобиля, развязал ленту, поднял крышку. В коробке обнаружилось два овальных бруска разноцветного мыла, аккуратно уложенных в декоративную соломку. Там же лежала визитка.

Яркая смесь запахов резко ударила в ноздри. Захотелось пойти прямо сейчас и помыться, втереть в себя ароматы, размазать пену по телу, смыть, снова натереться, да так, чтобы мыло содрало грязь с кожи, счистило, будто мелкая наждачная бумага, до основания, и выйти из-под душа уже совершенно чистым и... новым, что ли. Подходящего эпитета не нашлось. Ярик чертыхнулся, отмахиваясь от наваждения, сунул коробку под мышку и направился домой.

Он снимал двушку вместе со старым студенческим приятелем Веней. Лет пять назад Веня женился, потом развелся, потом они как-то встретились с Яриком на улице, отправились в бар, и за бокалом пива Веня спросил, может ли друг помочь в сложной жизненной ситуации. Ярик в то время как раз ютился в четырехкомнатной коммуналке вместе с двумя семейными парами с детьми, поэтому был рад скинуться с Веней на двоих и въехать в нормальную квартиру с изолированными комнатами.

Веня работал сантехником фрилансом, дни у него были не нормированы: мог неделю проваляться дома, попивая пивко, а мог пропадать на каком-нибудь объекте сутками, быть трезвым как стеклышко и не появляться в квартире от заката до рассвета.

Сейчас он отсутствовал, квартира встретила мерным тархтением старого холодильника в кухне. Было слышно, как за стенкой у соседа играет музыка, что-то из молодежного и непонятного.

Ярик быстро умылся, переоделся, разогрел нехитрый ужин – утренний омлет с кусочками курицы. Вернулся в коридор, прихватил с собой два скользких кругляша, разложил перед собой на столе. Непонятно, почему ему вдруг захотелось разглядеть мыло получше.

К тому же оно так замечательно пахло...

Красный кусок – клубничный. Запах был сочный, концентрированный, будто Нина Федоровна действительно варила мыло из настоящей клубники. Ярик ковырнул кусочек ногтем, бездумно поднес к языку. На вкус – мыло как мыло, с горчинкой. Но почему-то всплыли в голове мысли об Арине, которая могла часами пропадать в магазинах вроде «Рив Гош» или «Л'Этуаль», выбирая себе кремы, маски для лица, шампуни и мыло. Арина была модницей... а еще чертовски красивой. Из тех девушек, на которых заглядываются все без исключения и парням которых завидуют. То есть Ярику действительно завидовали, а он весь год, что встречался с Ариной, не мог понять, почему она выбрала именно его.

Не то чтобы Ярик любил Арину «без ума», но расставание его огорошило. Он-то, по простоте душевной, думал, что все серьезно, что скоро можно будет съехаться или даже (чего

греха таить) жениться, но в какой-то момент Арина сообщила, что Ярик слишком скучный, с ним нет перспектив, и укатила в закат.

Он жил этим расставанием несколько месяцев. Сначала собирался измениться, найти работу попрестижней, куда-то рвался, что-то планировал, потом понял, что завяз в мыслях как муха в сиропе. Как-то ночью, когда пили с Веней на кухне, Веня сказал умную вещь:

– Дай жизни самой разобраться, как ей быть. Судьба дело такое, от нее не убежишь.

Веня был знатный фаталист, но Ярик почему-то ему безоговорочно поверил. Действительно, к чему трепыхаться, если судьба сама все решит...

Он поужинал, выпил неторопливо кофе и пошел в ванную комнату, перекидывая кусок красного мыла из одной руки в другую. Осмотрел себя в зеркале. Почти тридцатка, небритый, под глазами темные круги, волосы грязные. Есть над чем поработать, если честно.

Тугие холодные струи душа мгновенно вызвали мурашки, но тут же сменились теплой водой. Ярик первым делом помыл голову, потом долго стоял, подставив лицо под воду. Кафель вокруг покрылся мелкими капельками. Вода, журча, исчезала в сливном отверстии. Воспоминания не отпускали.

Перед глазами снова всплыл образ Арины, а вернее, ее большая обнаженная грудь с крупными темно-красными сосками на молочной коже. Он взял мыло и начал втирать его в кожу, прямо так, без мочалки, овальным куском от шеи, по плечам и груди, под мышками и ниже, ниже. Сосредоточенно смотрел на квадрат кафеля синего цвета, на грязный шов цемента, но не видел ничего, кроме фантазии внутри головы.

Пахло свежей клубникой, только что сорванной с куста. Вот ее положили в рот, осторожно раскусили – и холодный кислотоватый сок брызнул на небо, растекся по горлу...

Ярик нагнулся, чтобы натереть ноги. Провел мылом по коже. Образ Арины в фантазии неуловимо исказился. Лицо ее оказалось будто размытое, запотевшее и напеченное. Будто кто-то нарисовал его мылом на стекле и включил горячую воду.

Исчезло ощущение реальности. Ярик сжал пальцами левой руки скользкий кусок зеленого мыла, заметил, что между пальцев течет набухшая серая пена и тяжелыми ошметками плюхается на дно ванны, ползет, смывается в сливное отверстие.

Ярик резко повернул голову. Показалось, что вокруг уже не ванная комната, а другое, просторное помещение, наполненное паром. Пар делал мир меньше, сужал пространство вокруг, но все же сквозь занавеску были видны черные силуэты котлов, ломкий серый свет тянулся из-под высоких потолков и из овальных окон, где-то хлюпало, звуки разносились эхом, откуда-то потянуло колючим сквозняком.

К ванне приблизился темный силуэт. Шлеп-шлеп. Босыми ногами по бетонному полу.

Занавеска с хрустом отодвинулась в сторону, и Ярик увидел огромную грудь, покрытую морщинками, набухшими синими венами, увидел потрескавшиеся торчащие соски, с которых капала пена. Звук воды сделался громче, сильнее: душ, словно взбесившийся, задергался в креплении, задрезжал, выплевывая струи воды в стороны.

– Откуда ты взялся? – спросила Нина Федоровна противным голосом. Ее лицо – бледное и запотевшее – стиралось капельками воды, стекающими со лба до подбородка. – Не припомню такого клиента. Ну, раз уж намылился...

Ярик хотел закричать, но понял, что его лицо тоже растворяется как пена, осыпается рыхлыми ошметками и с чавкающим звуком кружится в черноте сливного отверстия. Сначала отпала левая скула, потом вывалилась щека, а за ней язык и зубы. Правый глаз ввалился внутрь.

Кусок мыла выскользнул из руки, потому что его ничто не держало – пальцы растворились, превратились в крохотные скрюченные обмылки.

– Ну, расстались и расстались, – проворковала Нина Федоровна, сложив большие руки на груди. – Не держи в себе, выплесни.

«Я сейчас проснусь, – подумал Ярик отстраненно. – Я сейчас проснусь – и все пройдет».

Запах клубники набился в голову, как густая колючая вата. Воспоминания об Арине тоже сделались колючими и едкими, их хотелось выковырять из головы, избавиться от них. Давно пора было покончить с этим.

В груди зашевелилось что-то. Сознание подкинуло картинку из старого фильма: черный скользкий червяк, пытающийся выбраться наружу. Ярик слышал шум стекающей воды, чувствовал, как горячие струи бьют по телу, смывают его, растворяют. И чувствовал, как старая толстая тетка водит ладонями по его бедрам, животу, по груди, впивается пальцами в кожу, погружается в нее, в мышцы, скребет ногтями кости...

Он прислонился плечом к скользкому кафелю и зашептал.

– Нет, нет, нет... – с такими словами Ярик вырвался из липкого сна, обнаружил, что свисает с кровати, едва не касаясь затылком пола, что одеяло сползло, член стоит как оловянный солдатик, а голова раскалывается.

Сон был слишком ярким, чтобы раствориться сразу. Перед глазами все еще плавал образ обнаженной Нины Федоровны с ее дряблой огромной грудью, обвисшим животом, крупными венами по всему телу, желтоватой кожей, морщинами... Ярика передернуло. Прежде всего оттого, что он до сих пор испытывал возбуждение и оно странно перекликалось с образом Нины Федоровны. Неправильно это было. Отвратительно.

Будильник сработал почти час назад. По-хорошему, Ярик уже должен был выдвигаться на первую точку: расписание диспетчер сбросил ему в восемь утра.

Смирившись с опозданием, он поплелся в ванную. Там ничего не изменилось, только занавеска почему-то была содрана с двух колец. Из кухни доносились звуки готовки: Веня вернулся и, видимо, завтракал.

– У тебя сегодня работа? – спросил он, когда Ярик умывался.

– Планировал.

– Тогда пьем веселой компанией без тебя.

Последнее время Веня пил веселой компанией чуть ли не каждый свой свободный день. И это он тоже сваливал на фатализм. К чему ограничивать свои желания, когда так надо судьбе? Верно же?

Диспетчер настырно забрасывал сообщениями, требуя подтвердить ближайшие три заказа. Ярик, вздохнув, подтвердил. Через десять минут он был уже в машине, двигался по проспекту в потоке, размышляя о том, где было бы удобнее быстро перехватить завтрак.

Голова болела так, будто вчерашний вечер закончился попойкой. В салоне витали ароматы мыла. Клубника, яблоко, апельсин, что-то еще. Ароматы снова вернули к мысли о Нине Федоровне, по затылку пробежал холодок. Ярик вдруг почувствовал резкое желание увидеть женщину по-настоящему, а не в фантазиях, дотронуться до ее груди, обнаженного живота, до потрескавшихся губ... Те самые эмоции, которые он испытал во сне, но испытал – как оказалось – не до конца, застряли где-то в области груди и никак не хотели выходить.

Наваждение быстро прошло, но не исчезло совсем, а зависло где-то в уголке сознания.

Оно висело там несколько часов. Покалывало. Просило закончить, наконец, с работой и поехать на улицу Луначарского, дом шестнадцать. Без повода. Позвонить. Пройти в темный коридор коммуналки. Заглянуть на кухню.

И потом что?

Шептать что-то Нине Федоровне, как тот мужик с редкими волосами и укороченной ногой?

Попросить ее снять халат?

Ярик нервно засмеялся. Глупо и пошло.

Однако мысль не покидала.

Он позавтракал на автозаправке: выпил две чашки кофе – одну за другой – заел сэндвичем с индейкой. Поболтал с диспетчером – милой старушкой, имени которой никак не мог запомнить. Вывалился в душное лето, забрался в салон автомобиля и обнаружил, что едет в сторону дома Нины Федоровны.

Припарковался, не думая особо ни о чем, вышел из машины и направился к пятиэтажному дому. Дверь подъезда была старая, постоянно открытая, без домофона и на расхлябанной скрипучей пружине. Ярик нырнул в прохладу, заторопился по лестнице наверх. Он не знал, почему торопится и что вообще здесь делает.

Просто пахло клубникой, просто эмоций не хватило во сне. Нужен был выход, понимаете? Нужно было немедленно увидеться с Ниной Федоровной и избавиться от бешеной боли в груди и в затылке.

У двери в коммуналку он столкнулся с той самой девушкой, которую вчера встретил в халатике и с мокрыми волосами. Сейчас она была одета в нарядное, волосы зачесала, накрасила губы и подвела глаза. Красавица.

– Вы к кому? – спросила девушка, затем прищурилась и ткнула Ярика в грудь тонким пальцем. – Я вас помню. Курьер? Вчера были, да?

Он кивнул, косясь на рядок звонков за левым плечом девушки.

– У вас все нормально?

– А вам... какое дело?

Она бесцеремонно схватила его за подбородок, дернула так, что Ярик подался вперед и его глаза оказались напротив глаз девушки. Она хмыкнула, будто сразу все поняла (хотя непонятно было, что она вообще понимает-то?).

– Зачем вы взяли мыло без спроса?

– Я... – Ярик даже не пытался сопротивляться, так его это все обескуражило.

– Вы где мыло вообще взяли, курьер? Вытащили из какого-то заказа?

– Нет, вы что. Пересортица. Лишний кусок завалился, неучтенный.

Девушка нахмурилась, посмотрела через плечо на дверь и спросила почему-то шепотом:

– Один кусок, говорите. Больше не было?

– Что, блин, происходит? – выдавил Ярик. Пальцы девушки больно впивались в скулы. – Да, один кусок, один. Это важно?

– Вы не понимаете насколько. Идемте.

Она отпустила наконец его челюсть, но зато взяла под локоть и потащила вниз.

Ярику показалось, что в дверном глазке коммуналки мелькнула тень. Ощущение было такое, будто кто-то стоит за дверью и ждет, когда Ярик позвонит. Просто ждет звонка, чтобы немедленно открыть и пригласить в темноту коридора, вдоль дверей, мимо туалета, налево, в кухню, где гуляют сладкие ароматы...

Девушка увлекла его вниз. В затылке затрепетали тревожные мысли. А вдруг он больше никогда не увидит Нину Федоровну? Но это были какие-то глупые, ненастоящие мысли.

– Вам здесь еще месяц нельзя появляться, – говорила девушка. – Или лучше вообще не приходите, раз уж вляпались...

– Во что вляпался?

Девушка покачала головой и молчала, пока они не вышли на улицу, под ярое ненасытное солнце, от которого можно было ненароком растаять.

Соскочив с крыльца, девушка ткнула тонким пальцем Ярику в грудь.

– Если у вас что-то осталось от мыла, выбросите или смойте в унитаз. Избавьтесь, одним словом. Потом – постарайтесь не думать о том... о чем вы там думали, когда натирали себя мылом. Напейтесь, выберите за город, отключите телефон. Что угодно. Так спасетесь. И затолкайте вашу грусть куда подальше.

– Какая-то чушь, – пожал плечами Ярик. Голос дрожал. – В самом деле, двадцать первый век...

– Я вас предупредила, а дальше уж как-нибудь сами. Не ребенок. Прощайте.

Девушка поспешила по тротуару в сторону проспекта и вскоре скрылась за поворотом. Ярик же стоял, глубоко запустив руки в карманы и втянув голову в плечи, и не мог сообразить, что ему сейчас делать.

Мысли растягивались будто расплавленная жевательная резинка.

Он как будто забыл что-то важное. Остались только смутные воспоминания, на уровне ощущений – что-то приятное, но вместе с тем гадкое, разочаровывающее. У этих ощущений был привкус клубничного мороженого, обильно политого горчицей.

Хотелось вернуться в коммуналку, постучать и попросить Нину Федоровну вытащить из груди это мерзкое чувство. Ярик был уверен, что она может.

А еще хотелось сбежать и сделать так, как сказала девушка. Это желание возникло на уровне глубинных инстинктов, которым неподвластен разум.

За спиной отворилась дверь. Ярик обернулся и увидел того самого хромоногого мужичка с сальными редкими волосиками. Мужичок улыбался и махал рукой, будто звал.

– Ты, этсамое, правильно сделал, что пришел, – сказал он доверительным тоном. – Девку не слушай. Она на голову того... немного. Заходи, не стесняйся. Ждет.

Последнее слово он произнес с нажимом, будто у Ярика больше не было выбора – только вернуться в прохладную темноту подъезда.

– Что меня там ждет? – спросил он.

– Избавление от грусти, что же еще?

Ярик понял, что не сможет сойти с крыльца. Не получится. Он шагнул в сторону двери. Мужичок посторонился, продолжая улыбаться. Часть зубов у него была в золотых коронках, а губы будто смазались, словно кто-то стер часть их ластиком.

– Ждет, – повторил мужичок.

Дверь за спиной Ярика закрылась.

2

Веня вертел в руках овальный брусок оранжевого мыла и думал о Насте, своей умершей жене.

Он всем говорил, что развелся, чтобы не нарываться на неуместную жалость и слова утешения. Веня терпеть не мог, когда его утешали. Вдобавок мысль о том, что Настя на самом деле не умерла, что ее не похоронили, а она просто выбросила вещи Вени на лестничный пролет и велела больше не показываться на глаза, – эта мысль невероятным образом согревала и не давала спиться окончательно.

А пил Веня много, находя в алкогольном забвении удовольствие. Стандартное, в общем-то, явление. Другьям рассказывал, что устает на работе, выматывается, плюс развод, одно на другое... Другья понимали и оберегали, приходили по вечерам и за пивом выслушивали рассказы Вени о жизни. Веня любил поболтать.

Единственное, о чем он никому никогда не рассказывал, – о трех месяцах, проведенных с женой перед ее смертью. Она отказалась от лечения и госпитализации и попросила отвезти ее на дачу, в родной деревянный домик у озера, в двадцати километрах от города. Там Настя хотела умереть.

Веня не представлял, насколько будет сложно жить за городом со смертельно больной женой. Впрочем, если бы даже представлял, вряд ли бы отказался. Это было последнее желание Насти, и его нужно было исполнить.

Сначала она еще казалась той самой – прежней – Настей. Разве что куда-то пропала бешеная энергия, движения сделались плавными и осторожными. Жена больше не каталась на велосипеде по лесу, не рыбачила, не носилась по дому, постоянно что-то переставляя и убирая. Она стала поздно просыпаться и рано ложиться. Ее прогулки ограничивались задним двором, где стояла скамейка с видом на озеро и плакучие ивы, растущие вдоль берега. Настя подолгу сидела на скамейке, безмолвно куда-то глядя.

Потом она начала кричать от боли. Веня привозил лекарство, которое заглушало боль, но были периоды, когда лекарство не справлялось, и Настя металась по кровати, вспотевшая, с вздувшимися на шее и на лбу венами – и кричала страшно, до хрипа. Наверное, именно поэтому она хотела умереть в загородном доме. Чтобы никто не слышал ее криков.

В какой-то момент она перестала вставать, ходила под себя, кричала, проваливалась в бессознательное, бредила, раздирала ногтями себе ладони. Ее тошнило, она несколько раз падала с кровати, кожа стала бледно-желтой и сухой. Приходилось постоянно протирать ее влажной губкой. Веня поднимал тело жены, ставшее очень легким, и представлял, что перед ним кукла. Это не могла быть та самая Настя, с которой всего год назад они планировали переехать жить в Амстердам. Это не та Настя, которая делала сальто с места и обожала прыгать с «тарзанки».

Нет. Нет. Нет.

Это его жена. И она стремительно угасала.

Последнюю неделю от нее пахло смертью. Это был тошнотворный запах, он настолько сильно впитался в кровать, в деревянные стены дома, что Веня после похорон решил больше никогда тут не появляться. Продал к чертовой матери за копейки.

Неделя перед смертью была самая тяжелая. Веня почти не спал. Приходилось постоянно дежурить у кровати жены: следить за пульсом, чтобы не захлебнулась редкой рвотой, чтобы съела чего-нибудь (только жидкое, с ложечки). Обмывать. Менять подгузники. Вкалывать одно лекарство. Засовывать между сцепленных зубов другое. И постоянно – постоянно! – слышать ее крики.

Всю неделю Настя или кричала, или стонала – громко и хрипло, без пауз, хоть во сне, хоть во время бодрствования. Она словно бы уже не видела ничего вокруг. Глаза ее бешено вращались в глазницах. Настя ничего не говорила и не реагировала на слова Вени. А он пытался ее позвать, отвлечь, поговорить. Слышал только стоны и крики. Постоянные стоны и крики.

У него раскалывалась голова. Долгими часами Веня мог сидеть в кресле у кровати, зажав голову руками. Затем он догадался делать из ваты комочки и затыкать ими уши. Крики Насти все равно доносились, но были какими-то далекими и как будто нереальными.

За день до ее смерти он все же не выдержал. Наверное, просто отвык от того, что на кровати лежит Настя. Это же была кукла, а не жена. Жена не могла постоянно кричать и стонать. С женой не было бы так сложно. Жена бы дала выспаться, да? А тут завернутое в одеяло, что-то крохотное, сморщенное прижало тонкие ручки к груди, поджало ноги. Щеки впалые, глаза безумные, зубы торчат. Ну кто же поверит, что это Настя?

Он приподнял ее во время очередной процедуры протирки. Настя содрогнулась всем телом, ее стошнило зеленоватой жидкостью прямо Вене на руки. Тут же раздался хриплый стон, пробившийся сквозь вату в ушах.

– Чтоб тебя!.. – выругался Веня и швырнул жену на кровать. – Когда же ты уже умрешь, наконец! Сколько, блин, можно?

Он почти сразу же осознал, насколько ужасные слова только что произнес, и бросился прочь из комнаты, потому что стало стыдно смотреть на Настю – которая уже много дней была где-то в другом мире, но почти наверняка слышала проклятия, застывшие в воздухе.

Веня вернулся через несколько минут, свалился перед Настиной кроватью и долго плакал, прося прощения. Вату из ушей он вынул и больше не вставлял.

На следующее утро Настя умерла. Она просто перестала дышать. Вместе с последним вздохом где-то у нее в горле застрял и прощальный стон. В комнате стало тихо. Веня не сразу сообразил, что произошло. Он только понял, что не хватает какого-то звука, к которому давно привык. Звуча, означавшего стабильность.

Потом Веня откинул одеяло и долго разглядывал Настю, запоминая ее такой – мертвой. Это было наказание, которое он для себя создал. Образ Насти не покидал его, когда были похороны, когда он встретил Ярика и предложил съехаться в двушку, когда работал, спал, ел и напивался в компании разнообразных случайных знакомых.

Образ был теперь при нем навсегда.

От оранжевого бруска мыла тоже пахло смертью. Это был едва уловимый аромат из прошлого, тот самый, впитавшийся в стены загородного дома: непереваренная пища, кровь, пот, лекарства, мыльная вода, грязные простыни, использованные памперсы...

Аромат просачивался в ноздри и вызывал в памяти очень четкий, очень реалистичный образ мертвой Насти.

– А она меня ведь так и не простила, – пробормотал Веня, ощущая, как подкатывает волной очередной приступ то ли депрессии, то ли банального чувства вины. Подобная волна окатывала с головы до ног и норовила утащить куда-то в пенистую серость океана смерти. Обычно Веня выныривал, пьяный, но каждый раз надеялся, что утонет навсегда. Судьба, такая судьба.

Мыло было суховатым, крошилось.

Очень хотелось сходить и вымыться, втереть запах смерти в кожу, чтобы он поселился в каждой поре и был при нем всегда, как образ Насти в голове. Отличная идея – объединить две ипостаси в одну. Любовь и смерть. Запах гниения и образ мертвого тела, скорчившегося на кровати.

Веня пошел в ванную комнату, прихватив не только мыло, но и банку пива из холодильника. Разделся, включил воду и лег на дно ванны с банкой наперевес. Пока ванна наполнялась

горячей водой, Веня сделал несколько глотков ледяного пива, почувствовал яркий контраст, от которого на лбу проступила испарина. Потом он начал натираться мылом, прямо так, не вставая. Смачивал брусок, втирал в волосатую грудь, под мышками, между ног, вдоль рук, натер щеки и шею.

Шум воды сделался далеким, расслоился на множество составляющих, будто вокруг одновременно включились еще краны. Плитка на стене покрылась каплями влаги, но эти капли были почему-то красными. Они стекали вниз, к ванне, оставляя на стене разводы, а из разводов складывались очертания: отпечатки чьих-то рук, размытые лица, кровавые овалы глазниц и открытых ртов.

Занавеска шевельнулась, как от порыва ветра. Сквозняк забрался в ванную, пробежал по разгоряченному и намыленному телу. Веня протянул руку, нащупал банку пива, но она выскользнула из пальцев и с грохотом куда-то укатилась.

«У нас ведь коврик на полу, – отстраненно подумал Веня, свободной рукой продолжая намывать себе подбородком. – Не могло грохотать».

Ноздри забил гнилой запах смерти. Пена от мыла была едкой, серой, пузырящейся. Она покрыла воду в ванне толстым слоем и поднималась выше, липла к стенам, к кровавым рисункам.

Грохот продолжался, он размножился, как и звуки льющейся воды, казалось, что вокруг катится сотня пивных банок. Где-то звякало. Что-то загремело. Ветер поднял край занавески, и Веня увидел огромное пространство с высокими потолками, вытянутыми решетчатыми окнами и несколькими производственными котлами, под которыми горели зеленовато-желтые огни.

Веня не удивился, а даже обрадовался. Он давно ждал, когда же наконец доведет организм до нужной кондиции, напичкает его алкоголем до такой степени, что мозг перестанет воспринимать реальность и подсунет что-нибудь, куда можно будет с радостью убежать.

Мыло раскололось на два кусочка. Веня нашел их, продолжал втирать – в живот, в бедра, в пальцы ног.

Чья-то рука шумно отодвинула занавеску. В воду посыпались оторванные крючки от крепления. Над ванной склонилась огромная обнаженная женщина. На вид ей было лет пятьдесят, длинные черные волосы оказались распущены и лежали на больших обвисших грудях. С сосков сочилась пена. Женщина разглядывала Веню с платоническим любопытством, а он вдруг понял, что возбуждился.

Веня попробовал приподняться, но женщина погрузила ладони под воду и надавила ему на грудь. Острый ноготь впился в пупок. Веню как будто насадили на иголку. Он тут же обмяк, руки упали, ноги расслабились, голова наполовину погрузилась под воду. Звуки сделались приглушенными и далекими, да и сам Веня отстранился от происходящего.

– Глубокие чувства, долго придется работать, – сказала женщина, умело орудуя руками.

Потом она открыла рот и начала кричать. Так же, как кричала Настя. Тем же тембром, с теми же паузами, хрипами и стонами.

Веня вздрогнул, напрягся, пытаясь поднять голову, вернуться к реальности. Пенистая вода держала уверенно.

– Не надо, – простонал Веня. К нему разом вернулось прошлое.

Он увидел себя на дне ванны в загородном доме, куда забрался через двадцать минут после смерти Насти. Сидел на холодном шербаatom дне и прислушивался к тишине. Пытался перерезать вены модным дорогим станком. Понятное дело, безрезультатно. И только после того, как наделал на руках множество мелких и неопасных царапин, позвонил в скорую.

– Не надо!

Женщина продолжала стоять с открытым ртом. Из ее рта вываливались принадлежавшие прошлому крики. Они падали в воду и забивались в уши. Морщинистые руки натирали тело.

Веня стонал, чувствуя, как пена растворяет его, разъедает кости, внутренние органы, превращает мышцы в лопающиеся пузырьки.

Кто-то вдруг крикнул:

– У него ствол!

И следом раздался выстрел, шумно разнесшийся по огромному помещению за шторой.

Женщина закрыла рот, крики оборвались, зато мир вокруг наполнился другими звуками: грохотом, треском, лязгом, чьими-то стонами, шипением.

Еще сразу два выстрела. Кто-то болезненно завопил. Женщина выдернула руки из воды – руки, вымазанные густой кровавой пеной, – и исчезла за занавеской.

«Постойте!» – хотел закричать Веня. Но у него не хватило на это сил.

Он попытался подняться... За пупком, куда уколола женщина, зародилась и взметнулась вверх боль. Она стремительно растекалась по телу и добралась до затылка.

Веня вскрикнул и потерял сознание.

Он очнулся на дне пустой ванны. Холодный воздух заставил тело густо покрыться мурашками.

Веня открыл глаза, увидел сначала кафельную стену, покрытую серыми ошметками высыхающей пены, потом за раскрытой занавеской разглядел темные контуры помещения с промышленными котлами и высоким потолком.

Сколько он тут провалялся? По ощущениям – всего несколько минут.

Света было немного, он исходил от лампы, висящей в ванной комнате (только какая же это теперь комната?), да от подмигивающих костров под котлами. Однако темнота висела в помещении будто бы выборочно, то тут, то там. Хорошо просматривались уходящие ввысь стены, часть потолка, овальные окна за решетками, но совершенно не было видно деталей, будто мир за занавеской был размытым карандашным наброском.

А еще стояла тишина.

Веня тяжело поднялся, стирая ладонями пену с зудящей кожи. У него возникло странное убеждение, что кожи на самом деле нет. Под пеной должен быть голый скелет, да и тот уже почти растворился. Веня обратился в пену. Только по недоразумению он был все еще жив.

Пена шлепалась на дно ванны и шумно стекала в ржавое по краям сливное отверстие. Очистившись полностью, Веня выбрался из ванны и сообразил, что одежды нет – как нет стиральной машинки, раковины, вешалки, двери из комнаты, а есть только пространство, сотканное из теней и дрожащего света огней.

Под ногами валялись смятые трусы. Хоть что-то. Веня натянул их и пошлепал босыми ногами по холодному полу.

Пахло чем-то химическим, острым, неприятным. Эхо от шагов разлеталось в стороны и терялось в пустоте помещения. Где-то поскрипывало. Что-то вдалеке лязгало, булькало, лопалось. От котлов поднимался густой дым и растекался по потолку.

Веня все еще допускал, что это у него белая горячка. Никогда ведь не знаешь, в какой момент она приходит и что вытворяет с сознанием. А к этому давно шло. На самом деле он, Веня, может лежать сейчас в ванне или даже под столом на кухне и пялиться невидящими глазами в пустоту. А еще, может быть, он давно захлебнулся собственной рвотой и умер. А вокруг – ад. Ну, такой вариант ада.

Котлов было шесть штук. Возле одного из них стояла лестница метра четыре в длину, доходившая почти до края. Веня прикинул, что если поднимется, то сможет заглянуть внутрь котла.

От котлов исходил пульсирующий жар, воздух, смешиваясь с холодным ветром, дрожал. Веня мгновенно вспотел от лба до пяток, но все равно поднялся по лестнице наверх, схватился за теплый толстый край, свесился и опустил голову в густой белый дым.

Он думал, что увидит души мучеников, которые медленно варятся в собственной крови, в кишках и внутренностях. У них должны были быть защиты рта, чтобы крики скапливались внутри, причиняя еще большую боль. Веня даже мысленно подготовился к тому, что за спиной появится краснокожий бес, скрутит Вене руки, воткнет иголку в губы, а потом сбросит в котел, к остальным. Потому что это был бы правильный выход из положения. Потому что Веня, мать его, заслужил.

Но он сначала ничего такого не увидел. Сквозь дым едва различалась бледно-молочная поверхность, которая пузырилась и шевелилась. Как будто котел был наполнен желе. Пузыри вздувались, натягивались и беззвучно лопались. Крупные вязкие капли падали на поверхность и сливались с ней.

А потом Веня заметил какое-то движение в желе. Из густой массы показалась человеческая кисть с растопыренными пальцами. Она растеклась, но тут же появилась другая кисть, а за ней еще одна. Сразу за кистью вылезло лицо – на его щеках лопались пузыри, оставляя вязкие и тут же затягивающиеся дыры. Лицо открывало и закрывало рот, как рыба. А изо рта вылезла еще одна рука – по локоть, – застыла на поверхности и растворилась.

Веня смотрел как замороженный на калейдоскоп рук и лиц, что плавали в жидкости, лопались и растекались. Страшное и завораживающее зрелище. Теперь вдруг стало совершенно ясно, что это не белая горячка, не сон и не бред. Это – действительность.

Бурлящая жидкость напомнила Вене о мыле. Где-то он видел, как варят мыло – в таких же огромных котлах, при высокой температуре. Потом добавляют красители и ароматы, разливают по формам и оставляют застывать. А из форм получают или овальные бруски с запахом смерти, или такие вот лица и руки...

Веня с ужасом бросился с лестницы вниз, едва не упал. Котлы нависли со всех сторон. А вот ванны и занавески, клочка реальности с кафельной стеной, нигде не было видно.

Под ноги шлепнулся кусок дымящейся рыхлой пены. Потом еще один. Пена посыпалась откуда-то сверху, будто кто-то выбрасывал ее из котлов. Горячие тающие капли обожгли кожу.

Следом подоспели звуки кипящей и булькающей жидкости. К острому химическому запаху прибавилась едкая вонь гари.

Веня побежал, пытаясь увернуться от сыплющихся хлопьев. Пена падала на пол и тут же растворялась, оставляя буроватые следы. Где-то над головой пыхтела, хрипела, лопалась вязкая белая масса.

Котлы расступились, под ногами оказался пол из старых скрипучих досок. Веня уперся в деревянную дверь синего цвета. Пена больше не сыпалась, звуки стихли, а запахи стерлись.

У двери лежало что-то похожее на человека. Веня не сразу сообразил, что именно. Предмет напоминал пластмассовую форму в виде человека в полный рост – в подобные как раз и заливают сваренное мыло. Форма в нескольких местах была продырявлена, покрылась сеточкой трещин. Из дыр сочилась и тут же застывала разноцветная масса. Там, откуда масса вытекла, были видны человеческие органы – желудок, печень, съежившиеся легкие. Голова у пластмассовой формы была человеческая – мужская, очень реалистичная. Глаза бегали туда-сюда, рот открывался, язык облизывал потрескавшиеся губы. Длинные сальные волосы спадали на вспотевший лоб.

А вот нижняя часть головы тоже вытекала через крохотную дырочку чуть ниже подбородка. Тугие капли медленно падали на пол. Там застыла уже небольшая горка телесного цвета. – Это не глюки! – вырвалось у Вени.

Получеловек-полуформа моргнул и вперил взгляд в Вению. Нижняя челюсть сползла вниз, открыв рот с редкими зубами, часть которых была в золотых коронках.

– Ждет! – сказала голова.

Веня задрожал и сам не понял, что трясется вот так, как ребенок, сходящий на фильм ужасов. Кожу покрыли крупные мурашки. Он обогнул тело, стараясь не наступить на застыв-

шие лужицы, похожие на воск или на мыло (конечно же, это было мыло!), обхватил ручку двери и потянул на себя. Дверь приоткрылась, упершись углом в голову получеловека. Что-то треснуло, по лицу лежащего поползли трещинки, и вдруг лицо лопнуло, наружу разом вывалилась густая масса, смешались краски, вывалились зубы, сползли глаза. Лицо тугим комком шлепнулось на пол, растеклось и начало тут же застывать, покрываясь блестящей пленкой.

Веню чуть не стошнило, он едва сдержался, рванул дверь на себя и бросился внутрь, в полумрак.

Под ногами заскрипели доски. Веня споткнулся обо что-то, зацепил руками какую-то ткань. Дверь за спиной закрылась. Неподалеку раздался детский голос:

– Дядя, внимательнее! Пол – это лава! Не наступите, куда не следует!

Тут Веня увидел мальчика на велосипеде. Это был обыкновенный мальчик и обыкновенный трехколесный велосипед. Следом сквозь полумрак проступили очертания бельевых веревок, растянутых от одной стены к другой, выпуклые старые двери, мутный свет редких лампочек где-то впереди.

– Это что? – спросил он.

– Мы тут живем, – ответил мальчик. – Разве не видно?

И он, дребезжа звонком, укатил по коридору. Веня пошел за ним – мимо открытой двери в туалет, где на стене висело сразу пять сидушек на унитазах, мимо стоящих вдоль стен велосипедов, каких-то коробок, старых антресолей и поставленных одну на другую книжных полок – и оказался в просторной светлой кухне. От яркого света заслезилась глаза. Веня заморгал, пытаясь разглядеть, куда попал, и почти сразу увидел полную женщину из своего то ли сна, то ли бреда. Женщина стояла спиной к плите. Позади нее на газовых конфорках что-то кипело в больших кастрюлях. В кухне стоял густой аромат клубники, бананов, ананасов. Было ужасно душно, воздух будто затолкали в рот раскаленными угольками.

А перед женщиной Веня увидел Ярика, своего друга. Ярик обернулся.

– Господи, это ты! – пробубльнул он. – Помоги мне!

3

Травмат Ярик брал с собой всегда. Жизнь научила еще с армии.

Старший сержант Алазбеков говорил: «Если тебя нагибают раком – ствол должен торчать из задницы». И он был прав.

Несколько раз «Оса» спасала Ярику жизнь. В разных конфликтных ситуациях. Стоило достать травмат, как у оппонентов разом пропадала агрессия.

Он никогда не выходил из машины без «Осы», вот и сейчас засунул ее за пояс – даже не задумываясь – и только после этого пошел к подъезду старого пятиэтажного дома.

Ярик забыл об оружии, пока общался с девушкой. Потом появился странный мужичок и повел Ярика на пятый этаж, торопливо и сбивчиво рассказывая.

– Ты, этсамое, не бойся ничего. Она плохого не делает. Вообще-то, с тобой непонятно. Она, когда тебя учуяла, сразу поняла, что ты не постоянный клиент, не элитный. А у нее, этсамое, других не бывает. Значит, промашка. Случайность. Такое иногда бывает, но редко...

Ярик смотрел на спину мужичка, когда тот поднимался. Мужичок прихрамывал, одна нога у него была заметно короче другой. А еще от мужичка пахло душистым мылом, какими-то травами.

– Но она сказала, что, если ты заявишься, чтоб я тебя, этсамое, не бросал, а привел к ней. Ей нужны помощники, хорошие люди. Ты ведь хороший человек?

Мужичок обернулся, сверкнул золотой коронкой.

– Хороший, – ответил Ярик.

– Болит в затылке, да? – спросил мужичок. – И в груди как будто тоже. Знакомое чувство. Это тебя грусть или злость гложет. Так и бывает. Гложет, гложет, а потом – бац – и сжирает заживо! Но *она* о тебе позаботится. Она мыло знаешь какое варит? Закачаешься! Мыло, этсамое, для чего нужно? Чтобы грязь смывать. Соли разъедают кожу, счищают ее, делают мертвой. Вон и она моет человека, убивает все его плохие воспоминания, мысли, как будто грязь убирает. Ты же хочешь помыться?

Они остановились у дверей. Мужинка подмигнул. Было в его движениях что-то неприятное, суетливое, слишком показное. Он открыл дверь в темный коридор, пригласил войти.

Где-то в голове мелькнула мысль, что творится что-то странное и страшное, но остальные мысли закружились, завертелись и не дали сосредоточиться. Ярик переступил через порог и направился к кухне, куда несколько часов назад отчаянно хотел попасть. Мимо проехал трехколесный велосипед, и пацан, управляющий им, отвратительно звонко дребезжал звоночком. Хотелось вырвать этот звоночек и вышвырнуть вместе с пацаном из окна.

За спиной хихикал мужичок. И это тоже раздражало.

Ярик подумал, что хочет только одного – чтобы у него вытащили из затылка и из груди то самое давящее чувство горечи. Не нужно никакого желанья, не нужно повторения ночи в ванной. Просто вытащите – и все.

На кухне он сразу увидел Нину Федоровну, склонившуюся над плитой. Голова ее была по самые плечи погружена в тридцатилитровую кастрюлю. Кастрюля стояла на огне, в ней что-то с бульканьем варилось. Руки Нины Федоровны тоже были в соседних кастрюлях – и в них тоже что-то варилось, исторгая густой дым.

Сладкий аромат проник в ноздри. В кухне было невероятно, до головокружения жарко.

Ярик хотел обернуться, но мужичок взял его за плечи и втолкнул внутрь.

– Нина Федоровна пока занята! – сообщил он доверительным шепотом. – Придется подождать!

– Но я не хочу ждать. – В кухне было неудобно.

Ярик зажал нос рукой. Холодный металл коснулся обнаженного живота, и Ярик подумал о любимой бесствольной «Осе» с резиновыми пулями, внутри которых прятались металлические сердцевинки. Как раз вовремя. Мысли сразу перестали суетиться, а сосредоточились на этом простом и явном решении: использовать травмат для решения вопроса.

– Я могу уйти? – спросил Ярик, не сводя взгляда с погруженной в кастрюлю Нины Федоровны.

Ее огромное тело тряслось и походило на склеенные между собой куски желе.

Ярик развернулся. Мужичок стоял в дверях и качал головой.

– Отсюда никто не уходит, – сказал он негромко. – Но тебе понравится, обещаю. Ты, этсамое, не дрейфь. Наша красавица умеет доставлять удовольствие.

Красавица.

Арина была красавицей, а эта жирная тетка просто воспользовалась ненужной ассоциацией, чтобы... что? Что там говорил этот мужичок, пока поднимался по лестнице?

– Дай пройти. Я не хочу здесь больше находиться. – Ярик сделал шаг к мужичку.

Тот криво ухмыльнулся. Поза у него была расслабленная, но пальцы сжались в кулаки. На запястьях проступили вены.

– Я же говорю, дурачок, – отсюда не уходят.

Пот заливал глаза. Духота стояла страшная, плотная. Запахи мыла облепили, будто голодные мухи, и кусали разгоряченную кожу. Ярику уже было наплевать на боль в затылке и давление в груди. Он хотел уйти – и это было самое сильное желание сейчас, самое необходимое.

Он сделал еще один шаг, задирая футболку, вытащил из-за пояса «Осу» и почти сразу же выстрелил, целясь мужичку в левую ногу. С такого расстояния даже резиновая пуля могла запросто сломать кость.

Что-то в ноге у мужичка с хрустом лопнуло. По обнаженной лодыжке поползли сетки трещин, будто там была не кожа, а пластик или стекло. Из круглой дырки под коленкой потекла мутная вязкая жидкость.

– Твою мать, – удивленно пробормотал мужичок, разглядывая дырку в ноге. – У тебя, этсамое, ствол? У него ствол!

Последнюю фразу он прокричал, бросаясь на Ярика с кулаками. И тогда Ярик выстрелил еще два раза, уже не прицельно, наугад. Мужичок как будто поломался – в его теле появились сколы и трещинки, ноги подкосились, он упал на пол с глухим пластмассовым стуком.

– С-сука!

– Дай пройти! – прохрипел Ярик, задыхаясь от давящего жара. – Дай, блин, пройти!

Казалось, кожа его вскипает и плавится.

Мужичок больше не походил на человека. Он был как будто прозрачной фигуркой, наполненной сосудами, кровью и мышцами. Там, где жидкость вытекала, можно было увидеть контуры этой самой фигурки, неровные швы склейки.

За спиной Ярика что-то шумно заворочалось. Он обернулся, уже понимая, кого увидит – и точно! Нина Федоровна стояла у плиты, согнув руки в локтях, как делают доктора в фильмах. Запястья ее были покрыты густой бордовой пеной, которая с шипением отваливалась кусками и шлепалась на пол.

– А вот и ты! – улыбнулась Нина Федоровна, и Ярик вспомнил все морщинки на ее лице, все тени, цвет глаз, горбинку на носу, родинки, трещинки на губах, складки под грудями, вены на висках, седые волоски и запах ее намыленных пальцев.

Мужичок, постанывая, пополз к дверям, оставляя за собой вязкий след, и вскоре исчез в темноте коридора.

Нина Федоровна и Ярик молча смотрели друг на друга. Ярик прикидывал в уме, хватит ли ему одного патрона, чтобы расколоть женщину так же, как он расколол мужичка.

– Тебе не нужно было влезать во все это, – наконец сказала Нина Федоровна. – Мое мыло не для всех. Оно для тех, кто действительно знает его ценность. Люди готовы платить огромные деньги, лишь бы отмыться от грязи, которая скопилась в их душах. А у тебя что? Так, мелочовка.

Ярик стер пот со лба. От духоты перед глазами плыли темные круги.

– Раз я мелочовка... Может быть, тогда отпустите меня? – спросил он, едва ворочая набухшим языком.

– Ты же сам пришел.

– Но я не мог... иначе. Я видел вас ночью. Это ведь был не сон.

– Я заходила посмотреть, кто ты такой. Молодой и красивый. Вся жизнь впереди. А теперь вот стоишь с пистолетом и угрожаешь женщине, которая может тебя спасти.

Что-то нелогичное было в ее словах. Что-то, чего Ярик не мог уловить. Ему было дурно, подкатывала тошнота.

Внезапно изменило зрение. Нина Федоровна как будто раздвоилась, и вся кухня распалась тоже на две копии. За спиной женщины выросло шесть котлов. Сквозь два окна лился бледный дневной свет. На столах лежали коробки, наполненные брусками разноцветного мыла.

Ярик мотнул головой и почувствовал, как кожа отслаивается от черепа. Она поползла вниз, будто мокрая тряпка. И на руках кожа тоже всколыхнулась волнами, потекла, сквозь поры проступила мыльная пена, в мелких пузырьках которой заиграла радуга.

– Жарко очень, – произнесла Нина Федоровна. Она вытерла руки о передник. – И потом, не могла же я поставить под угрозу свой бизнес. Случайных людей в нем не бывает.

Ее взгляд метнулся куда-то за спину Ярика. Ярик обернулся и увидел Веню, старого доброго приятеля Веню, лучшего человека и верного друга на свете!

– Господи, это ты! – пробормотал он. – Помоги мне!

И в этот момент у него отвалилась нижняя часть лица.

Веня хотел заорать, но от ужаса свело челюсти.

Он стоял и смотрел, как Ярик медленно превращается во что-то вязкое и жидкое – в мыльную основу, состоящую из размякших костей, мышц, внутренностей! Со звоном упал пистолет вместе с отвалившейся от плеча рукой. Подкосились ноги. Ярик таял, будто заправская ведьма Бастинда. Он еще пытался что-то сказать, мотнул головой, но она надломилась, запрокинулась назад и упала на пол с чавкающим звуком.

Прошло минуты две или даже меньше, а от Ярика – в привычном понимании – ничего не осталось. Лужа мыла, покрытая блестящей тонкой пленкой, растеклась по деревянному полу, к ножкам стола и табуретов, залилась под шкаф и стиральную машинку – вот и все.

В кухне наступила тишина, которую Веня уже слышал раньше. В этой тишине хлопались пузыри мыла в кастрюлях и шипел голубой газовый огонь.

– Вот и ты, – улыбнулась женщина. – Прекрасный экземпляр. В тебе столько чистого, неотработанного горя, что мне не терпится продолжить. Отличная заготовка для заказов!

Веня рванулся к пистолету и направил его на полную женщину.

– Я не знаю, что тут происходит. Может быть, бред или галлюцинация, но сейчас я хочу уйти, и чтобы никто меня больше не трогал. Хорошо?

Он то и дело бросал взгляд на лужицы мыла под ногами. Казалось, они шевелятся, по поверхности пробегала рябь.

– Можешь идти, – кивнула женщина. – Но уйдет ли твоя боль? Которая вот тут, в груди. Глубокая. Разъедает долгое время. Я все видела. Жену, комнату, тебя самого, кричащего. Чувство вины – самая злая штука на свете. И оно никогда не выберется из тебя. Улавливаешь?

– Что вы хотите?

– Вылечить. В конце концов, у тебя же было мое мыло. Значит, мне нужно отработать заказ. Давай я заберу всю ту гадость, что скопилась у тебя внутри, и уйдешь с миром. Мы больше никогда не увидимся.

Веня шевельнул плечом. Он до сих пор не был уверен, что находится в реальном мире. А если это бред или горячка, то ничего не мешает прямо сейчас ответить «да».

– Улавливаю, – пробормотал он, стряхивая капли пота с губ. – Попробуй.

Женщина подошла, расстегивая халат. У нее было отвратительное тело. Она прижалась к Веню, обхватила его руками как ребенка и коснулась губами его шеи. От женщины приятно пахло. Ее огромная обвисшая грудь терлась об него, заставив возбудиться против воли. Веня застонал.

– Немного, – хрипло шепнула женщина. – Немного...

Веня почувствовал, как что-то зашевелилось у него в груди, что-то большое и плотное. Оно начало пожирать его изнутри и выплевывать обратно, наполняя сосуд тела пережеванными внутренностями. Оно стремительно прогрызло легкие, грудную клетку, поползло по костям, отделяя мышцы.

Веня оттолкнул женщину и попятился. Пистолет выпал. Женщина улыбалась окровавленными губами.

– Бизнес, ничего личного, – сказала она. – Из тебя выйдет отличный экземпляр.

Из-за спины вдруг спросили:

– Что тут происходит?

Веня с трудом обернулся и увидел в дверях молодую симпатичную девушку с растрепанными волосами и в короткой юбке. Он заковывал к ней, выдавливая сквозь губы просьбу о помощи.

Веня чувствовал, как внутренности его превращаются в желе. Или все же в мыло?..

– Мама, ну я же просила не трогать обычных людей! – насупилась девушка, не обращая на Веню внимания. – Тем более на кухне. Опять все мыть!

Из-за ее спины показался мальчик на велосипеде. Он закричал, тыкая пальцем в Веню:

– Баба снова все испачкала! Пол – это лава! Не наступайте в лужи!

Нечто черное и вертлявое перемалывало внутренности как миксер, превращая Веню в кашу. Оставалась только внешняя оболочка со швами вдоль тела, будто это были скрепленные части формы для мыла. Веня упал руками в лужу, и вязкая жижа с радужной пленкой поползла по его рукам, поднялась вверх и залепила глаза. Он услышал, как булькает мыло в котлах на огне. А потом перестал слышать вовсе.

То, что было когда-то Веней, радовалось новой жизни. В ней не было больше боли и желания поскорее умереть. Не нужен был алкоголь, чтобы забыться. Можно было просто наслаждаться своим новым состоянием и следовать судьбе.

Целыми днями он бродил по фабрике На-Том-Свете и готовил мыло. В огромных промышленных котлах варились человеческие эмоции, а Веня добавлял к ним ароматизаторы и цвета, заливал в формы и ставил остывать.

По вечерам он осматривал комнаты коммуналки, где жили многочисленные родственники Нины Федоровны. Кормил, поил, общался. А когда все в коммуналке засыпало, пил чай на кухне, размышляя о своей новой, абсолютно чистой жизни. Это было замечательно. Просто идеально.

Права была Нина Федоровна, из него получился отличный новый экземпляр. Он обожал свою хозяйку – большую женщину, красавицу, бизнесвумен, прекрасную леди. Она делала по-настоящему великое дело – отмывала людей от грязи противоречий, от боли утраты, зависти и злости, случайных ошибок и неверных решений, от всего того, что хранится в душе и накапливается как ржавчина.

И это ведь не ее вина, что некоторые люди наполнены грязью от пяток до ушей. Приходится тратить много мыла, чтобы отмыть их, счищать до мягких бесформенных обмылков или блестящих лужиц, что растекались по коридорам коммуналки.

Нина Федоровна не виновата, что в людях столько злости, зависти, непонимания и обид. Она всего лишь делает самое лучшее мыло в городе – для особых целей и специальных клиентов.

Например, для вас.

Александр Матюхин

Зеленый шум

Лох роняет голову на грудь, так низко, что длинные мокрые волосы почти прикрывают промежность. Безо всякой брезгливости Радаев сгребает их в горсть, тянет вверх, открывая заплывшее от побоев лицо. Разомкнув опухшие губы, лох издает горлом булькающий звук. Данные его Радаев пробил давно, еще тем злополучным вечером (Андрей Пак, вопреки фамилии – русский, двадцати трех лет от роду, трудится клерком в местном филиале «Мегафона»), но по привычке продолжает называть лохом. Он и должен был оставаться таковым, очередным легковверным идиотом, в длинном ряду себе подобных. Но вышло как вышло.

По лицу лоха стекают розоватые струйки – кровь, пот, вода – все вперемешку, не разделить. Переплелись прямо как их судьбы. Радаев усмехается нелепому выпендренному сравнению и свободной рукой трет наполненные песком мешки под глазами. Он бодрствует уже пятьдесят семь часов. Собственное тело кажется ему деревянной болванкой, обернутой наждачной бумагой. На зубах налет толщиной с ноготь, в желудке изжога от литров кофе и хлеба с колбасой. Лапин, дал же бог напарничка, не догадался купить хотя бы растворимого супа.

«Да и то верно, – думает Радаев. – Кто мог знать, во что это выльется?»

Упрямство лоха вызывает уважение, но больше раздражает. Хочется спать, как же хочется спать, кто бы знал! Но нельзя, нельзя ни в коем случае. Во сне багряный закат и запах сочной зелени, там когти пронзают толстую кору, которую не всякий топор возьмет. Там шелестит листва и свистят диковинные птицы, и ты не услышишь шороха, пока не станет слишком...

Радаев трясет головой, тяжелой словно гири.

– Я перестану, прямо сейчас, – говорит он и сам поражается сухой шершавости своего голоса. – Только закончи все это.

Надо бы хлебнуть кофе, но желудок протестующе булькает, кислота поднимается к горлу. К черту кофе. К черту все. Веки лоха напоминают два грецких ореха фиолетового цвета. Он что-то сипит, и Радаев склоняется ближе.

– Н-не м-могу...

Злость захлестывает Радаева, как удавка, стискивает горло. Вблизи от лоха несет невымытым телом, кровью и мочой. «Я тебя не боюсь! – рычит про себя Радаев. – Не боюсь тебя, гнида!» Но он боится. До мурашек по хребту боится связанного избитого парня, который годится ему в сыновья.

– Как с-с-скажеш-ш-шь! – сквозь сомкнутые зубы шипит Радаев.

И опускает голову лоха в ведро с водой.

А начиналось все неплохо. Да что там, отлично начиналось! В сумерках Бес зажал Козу в проходе между гаражами, на пограничной территории, между цивильным двором со шлагбаумом, урнами и размеченной парковкой и пустырем, где среди разросшегося пырея валялись ржавые консервные банки, рамы от велосипедов и собачьи черепа. Поначалу Коза отбивалась лихо, с азартом. Шипела и плевалась, когда Бес с силой стискивал крохотные сиськи. Извивалась, уворачиваясь от шарящей под юбкой ладони. Но чем больше потенциальных спасителей проходило мимо, тем тише становилась Коза и тем сильнее распался Бес.

Четыре здоровых мужика, один за другим, не пожелали вступать, поспешно ретировались, пряча глаза. Лишь один из них позвонил в полицию. Остальные позабыли робкие крики о помощи, едва дошли до своего подъезда. И вот когда Коза уже совсем отчаялась и перестала трепыхаться, появился он. Тощий волосатик схватил Беса за ворот, рывком отбросив в сторону. Тот покатился кубарем, матерясь в голос, но тут же вскочил на ноги. Беса вырастила улица, он дрался с дошкольного возраста и быстро оправлялся даже после сильных ударов. Он

повел плечами, поднял руки, принимая боевую стойку, и без долгих раздумий ударил волосатика в скулу. Не сильно, чтобы подзадорить.

Только в этот раз что-то пошло не так. Нежданный заступник в подшаг сократил дистанцию, скрутил торс и выпрямился пружиной, отправляя кулак на встречу с челюстью Беса. Красивый, почти академический апперкот. Клацнули зубы. Восхищенно взвизгнула Коза, снимающая драку на мобильник. Благодаря разнице в весе Бес удержался на ногах, но поплыл. Тут же пропустил второй удар, голенью в коленный сгиб, отчего все-таки упал на четвереньки. Третий, ногой в живот, заставил его проблеваться и отбросил на грань болевого обморока.

«Ну, хватит, пожалуй...» – решил Радаев.

Коротко квакнула сирена, заметались по кирпичным стенам красно-голубые блики. Выпрыгнув из салона, Радаев поймал бегающий взгляд Лапина, суетливо щупающего кобуру. Лапин кивнул и включил ближний свет, накрыв замершую троицу серым силуэтом напарника.

– Та-а-ак, и что здесь происходит?! – Руку Радаев демонстративно держал на табельном «граче».

Троица зашевелилась одновременно. Громко рыгнул Бес, продолжая опустошать желудок. Видать, ему и впрямь сильно досталось. Волосатик бесстрашно шагнул вперед, щурясь от света фар, прикрывая глаза ладонью. Но раньше всех успела Коза. Нырнула Радаеву за спину и оттуда, из безопасного укрытия, затараторила:

– Господи, господа, как вы вовремя! Спасибо, спасибо, спасибо! Он меня изнасиловать хотел, говорил, что убьет! Я так испугалась, так испугалась!

– Кто? – строго спросил Радаев, сдвигая кустистые брови.

– Этот! – острый ноготок Козы обличающе указал на ее спасителя. – Этот подонок лохматый! Трусики на мне разорвал! Говорил, что убьет! Если бы не молодой человек, точно бы убил! Спасибо, спасибо вам, молодой человек!

Все еще на четвереньках, Бес попытался махнуть рукой, мол, не стоит благодарности, но не удержал равновесия, грудью рухнул в вонючую лужу под собой. Коза вцепилась в Радаева, как в спасательный круг, плечи ее сотрясались от рыданий. Дрожащие руки подсовывали телефон, на котором «все записано, я все записала, он его чуть до смерти не забил!». Глядя на вытянутое от удивления лицо «насильника», Радаев мысленно ухмыльнулся: «Нарекаю тебя лохом!»

Надо отдать должное, парень оправился быстро. Не истерил, говорил мало, слушал внимательно. Не лох, а золото, Радаев на него нарадоваться не мог. Если б не эта гаденькая брезгливая ухмылка, блуждающая по узким губам... Радаеву хотелось перехватить пистолет за ствол и рукояткой вколотить лошаге зубы в глотку.

Парень оказался красавчиком. Тонкоскулый, голубоглазый, с прямым носом и твердым подбородком. Даже длинные волосы не делали его нелепым или женственным, органично обрамляя лицо. Разглядев парня в свете салона, Коза украдкой вздохнула и сделала Радаеву умоляющие глаза. Тот благостно кивнул, лады, мол, жестить не стану.

Хорошая баба – Коза. Актриса, каких поискать. Они познакомились девять лет назад. Коза в очередной раз сбежала из детдома, просила «дяденьку мента» отпустить ее, предлагала отсосать. Сейчас ей восемнадцать, кажется, но она по-прежнему выглядит как школьница и сосет как водяной насос. В паху разлилось тепло, Радаев торопливым жестом велел Козе убираться. Сегодня они с Бесом отработали на все сто. Надо будет премировать.

– Итак, гражданин... – Радаев сделал вид, что вспоминает, заглянул в раскрытый паспорт. На деле лишний раз показал – вот ты у меня где! – ...Пак, Андрей Сергеевич. Мы не в Штатах, так что права я вам зачитывать не буду, но вкратце расскажу, какое будущее вас ожидает...

– Не нужно, – перебил Андрей. – Сэкономим время.

Не боится, гаденыш! Вот ни на грамм не боится! Улыбочку эту свою давит презрительную, смотрит как на говно! Раздражение грозило перерасти в бешенство, а в бешенстве Радаев себя не контролировал и мог натворить глупостей.

– Нужно или не нужно – это уж позвольте нам решать, – кое-как Радаев подавил гнев. – Так вот. На данный момент в нашем распоряжении имеется видеозапись, на которой некий гражданин Пак жестоко избивает гражданина Бескаравайного. Имеются показания гражданки Филимоновой, той, которую вы пытались изнасиловать...

Парень дернул уголком рта, словно хотел протестовать, но передумал. Понял, наконец, что лучше не выеживаться, а сотрудничать со следствием? Лапин, все это время сидевший вполоборота, цыкнул зубом.

– Загремишь лет на десять. Знаешь, что на зоне с такими, как ты, делают?

– Как я?

– У тебя статья за изнасилование, а на зоне таких не любят, – пустился в объяснения Лапин.

– А какой номер статьи?

Лапин окончательно смешался, замычал что-то «вот там тебе и объяснят». У Радаева аж костяшки зачесались, так захотелось расквасить напарнику пятак. В каждой бочке затычка, сука! Всех делов – крутить баранку да рядом сидеть, для поддержки штанов, а этот осел в злого полицейского играть надумал! В который раз уже Радаев мысленно воздел руки к небу и возопил – за что?! Но нынче времена сложные, кадрами разбрасываться нельзя даже такими. Это в девяностые каждый второй в отделении подобные схемы мутил, а сейчас тотальный контроль и поголовное стукачество. Чуть засыпался – поехал в Карелию, на красную зону, варежки шить. Радаев взглядом велел напарнику завалить хлебало, а сам решил, что пора менять тон.

– В общем, Андрей Сергеевич, дела ваши плохи, конечно же, но не безнадежны. Вам, можно сказать, повезло.

Говорил уверенно, но уверенности не чувствовал. Казалось Радаеву, еще минута-другая, и он сам начнет мямлить, как тугодум Лапин. Отработанная схема летела по бороде. Невозмутимое спокойствие лоха заставляло Радаева дергаться. Он работал в органах почти двадцать лет и до сих пор оставался простым патрульным исключительно из меркантильных соображений: сидеть в кабинете, конечно, здорово, но и спрос там куда как выше. Застав беспредел девяностых на излете, Радаев быстро и надежно встроился в систему преступного мира. Словно деталька мозаики, как будто только его там и не хватало. Он закрывал глаза на мелкие правонарушения, а в крупных активно помогал. Знал, как подбросить наркотики, как усовестить несговорчивого должника и к кому обратиться, чтобы тело никогда не нашли. Да, высокопоставленные коррупционеры поднимали действительно серьезные бабки, зато Радаев ни с кем не делился и спал гораздо спокойнее.

Когда хотелось больше денег, он просто проворачивал одну из проверенных временем схем. Лох не мамонт – не вымрет. За годы Радаев изучил все возможные модели поведения и не без оснований считал себя этаким лоховедом. Волосатик Андрей с навыками бойца ММА и взглядом римского патриция не укладывался ни в один из привычных шаблонов. Может, крыша у пацана хорошая, родня при власти? Да нет, уже бы названивал. Сидит, глазами прожигает. Псих? Не одупляет, что ему грозит? Так ведь тоже нет, парень очень даже при памяти. С каждой минутой Радаеву все труднее становилось себя сдерживать.

– В общем, всего за пятьсот тысяч рублей мы с коллегой забудем про данное недоразумение.

Лапин округлил глаза, и было отчего. Изначально договаривались ломануть лоха тысяч на триста. Так быстрее и надежнее. Но полный ненависти и презрения взгляд вывел-таки Радаева из себя. Наглеца следовало проучить.

– Полмиллиона за видеозапись? – усмешка Андрея стала еще кривее. – Дороговато.

– Ну, такой предприимчивый молодой человек наверняка сможет раздобыть нужную сумму. Не все деньги мира. Продайте квартиру. Займите у родственников. Кредит возьмите, в конце концов.

Радаев вложил в паспорт визитку с одним лишь номером телефона, протянул Андрею. На мгновение позволил маске добродушного взяточника упасть, зыркнул голодным зверем.

– У тебя две недели. Как соберешь бабки, пришлешь эсэмэс с одним словом: «Готово». Дальше мы скажем, что делать. Уяснил? Свободен пока.

Неуловимо птичьим движением Андрей склонил голову к плечу. Взъерошенный черный ворон. Открывая дверцу, он уходил так, словно последнее слово осталось за ним. Радаев не мог этого допустить.

– Вот еще... Надумаешь убежать – я тебя найду. Надумаешь кинуть – я тебя найду. Что бы ты ни придумал, как бы ни прятался – я тебя найду. И тогда уже не буду таким вежливым.

Сцепив пальцы в замок, Андрей покивал. На секунду Радаеву показалось, что он наконец достучался до самоуверенного говнюка, но нет. Андрей нахмурился, словно решал сложную задачу или разгадывал незнакомое слово в кроссворде.

– Как так получается? Как такое вообще возможно?

– А? – не понял Радаев.

– Как четыре настолько аморальных, гнилых существа смогли найти друг друга?

Чувствуя, как от пара позвякивает крышечка на кастрюле гнева, Радаев прошипел:

– Шестьсот тысяч. Неделя. Пш-ш-шел вон.

Только когда Андрей скрылся в темноте, Радаеву пришло в голову, что тот даже не спросил, каким образом исчезнет видеозапись. Лошье всегда цепляется за какие-то мнимые гарантии в тщетной надежде, что уж в этот раз их не кинут. А этот не стал, нет. Некстати вспомнилась поговорка родом из девяностых: если в схеме не видишь лоха, значит, лох – это ты.

Только дома Радаев становится самим собой. На работе он «опытный сотрудник», «ценный кадр», «хороший мужик», «свой парень». Дома он – падишах. Безо всяких кавычек. Он нажимает кнопку дверного звонка – никогда не пользуется ключами, – и дверь открывается почти мгновенно. Жена, должно быть, ждет в прихожей. Она знает, когда муж возвращается с работы, даже если тот не говорит точное время, а он не говорит никогда. Научилась чувствовать. Радаев научил.

Ольга – пышная блондинка, за двадцать лет брака расплылась и подурнела, но Радаеву плевать. Брак для него не догма, он спит, с кем хочет. Он знает десятки молоденьких дурочек, чьи длинные ноги никак не держатся вместе. К жене как к женщине не прикасается уже несколько лет. Разве что по праздникам, и только чтобы вознаградить ее. Жена – привычка, жена – уют, жена – прислуга, но никак не женщина.

Еще она мать его принцессы, и это тоже важно. Восемь лет назад, узнав, что долгожданная беременность не принесет сына, Радаев отвез Ольгу в лес. Ночью отвез. Вручил лопату и велел копать яму. Шайтан его знает, почему они все же вернулись домой вместе. Сейчас Радаев вспоминает эту историю с сожалением, а когда из детской с криком «па-а-ап-ка-а-а!» вылетает дочка, даже со стыдом. Они назвали ее Жасмин, как принцессу из мультика про Аладдина. Хотя когда Радаева спрашивают об этом, он лишь пожимает плечами. Радаев не любит мультики. Его кинопристрастия ограничиваются старыми боевиками и порнухой.

Он звонко чмокает дочку в щеку, позволяя висеть на шее, пока жена расшнуровывает ему ботинки и подсовывает стоптанные домашние тапки. Из кухни пахнет жареным мясом и свежей зеленью. Ольга умеет готовить экзотические блюда, но Радаев не любит сложностей ни в кулинарии, ни в жизни. По окончании рабочего дня ему достаточно, чтобы на столе стояла тарелка жареного мяса, укроп, кинза, нарезанные огурцы и помидоры. Чтобы жена наливала в

стопку тягучую водку пряником из морозильника. И чтобы Жасмин, смеясь, трясла светлыми косичками, рассказывая о том, как прошел день в школе.

На следующей неделе нужно сдать читательский дневник. Обсуждают поездку всем классом на экскурсию в Питер. Классная руководительница хвалила и ставила в пример ее заполненную тетрадь. Соня Бойко принесла на продленку новую куклу Братц, а Мишка Колесников – дурак. Челюсти Радаева методично перетирают мясо, прерываясь лишь на короткий миг, чтобы пропустить в глотку рюмку леденящей водки. Радаев жмурится от удовольствия и едва заметно улыбается дочери.

Тихая Ольга подливает ему последнюю, пятую рюмку и уходит в гостиную. Вскоре оттуда раздаются звуки работающего телевизора, идут новости по НТВ. Радаев заканчивает трапезу, утирает рот салфеткой, мягко целует дочку в макушку и проходит в ванную. Стягивает одежду, сваливает кучей возле стиральной машинки – Ольга приберет. Краны поскрипывают, когда Радаев открывает их, и тугая струя ударяется о пластик. Забравшись внутрь, он с минуту лениво размышляет, стоит ли наказать Ольгу за то, что не приготовила ванну, но решает, что это не ее косяк. Обычно Радаев принимает душ, а сегодня хочет понежиться в горячей воде. Отмокнуть. Растворить кипучую злость, разбуженную волосатиком Андреем. Третий день на исходе, а от него ни слуху ни духу. Необычное поведение для человека, чьи яйца ты зажал в тисках. От воды поднимается пар. Ванна наполняется. Тонут щиколотки, затем колени. Мышцы ноют, расслабляясь после долгого дежурства. Радаев поводит головой, и шея раздражается приятным хрустом. Вода подбирается к пупку...

...Зелень листвы прожигает сетчатку. Яркая, сочная – сожми с хрустом, потечет! – она колышется едва заметно. Легкий ветерок обдувает разгоряченное лицо Радаева. Вдаль, насколько хватает глаз, устремляется зелень, зелень, зелень, в которой, далеко не сразу, обнаруживается нечто длинное, коричневое, испещренное трещинами. Похожее на змею, оно тянется и тянется, и мозг Радаева, тоже далеко не сразу, понимает, что это ветка. Гигантская, толстая, в несколько обхватов ветка. Шелестит листва, лучи закатного солнца едва пробиваются сквозь зеленую гущу. Радаев вертит головой, скользя ошеломленным взглядом по новой окружающей действительности. Невероятно, он видит почти на триста шестьдесят градусов. Немного мешает темное вытянутое пятно, маячащее где-то внизу, между глаз, но задуматься нет времени. Обостренный слух Радаева улавливает далекий крик. Голос кажется знакомым... Неужели Коза? «Откуда она здесь? – удивляется Радаев и тут же ловит вторую, куда более ошеломительную мысль: – А я? Откуда здесь я?» Крик повторяется и Радаев решительно бросается вперед. Но, не удержавшись, скovyривается с толстой ветки и с перхоящим клекотом летит вниз:

– Кха-кха-кха! Тьфу! Кха!

Приоткрывается дверь – в проеме маячит бледное, похожее на недожаренный блин лицо Ольги. Радаев недовольно машет: исчезни! Дверь бесшумно затворяется. Откашлявшись, Радаев умывает лицо, растирает гудящие виски. Струя из крана разбивается о воду лишь на два пальца ниже бортика. «Это ж надо, в ванне уснул! – думает Радаев. – Давно такого не было. И ведь не сильно устал вроде».

Он намыливает жилистое волосатое тело, стирает грязь прожитого дня, моет голову, но делает это механически, иногда надолго замирая с поднятой мочалкой. Давешний сон не дает покоя. Во рту стоит горечь сочной листвы. В глазах пляшут багряные лучи закатного светила. В ушах пульсирует крик испуганной женщины. Растирая себя полотенцем, бреясь, полируя зубы щеткой, Радаев не может отделаться от дурацкого сна. Укладываясь в постель на чистое, пахнущее отбеливателем белье, он уверен, что не сможет заснуть, но вопреки всему проваливается в сон, лишь коснувшись подушки затылком. Бессловесная Ольга укладывается рядом, прижимается к бедру мужа рыхлым задом и замирает.

Сон Радаева беспокоен. Глаза под веками бегают, сухие губы приоткрыты. Из горла доносится то ли хрип, то ли храп. Он видит огромное дерево. Не дерево – Древо! Листья щекочут тело, в подошвы впивается грубая кора, и где-то, уже совсем близко, взвизывает наполненный паникой женский визг.

Первые ростки грядущей беды проклюнулись следующим вечером. Радаев всегда был осторожен, никто и никогда не связал бы его с парочкой бывших детдомовцев. Даже Лапин видел их вместе всего один раз, и то мельком. Потому информация о том, что Бес прирезал Козу и теперь скрывается, дошла до него с большим опозданием, по самым обычным каналам. Раскинувшись на диване, вяло пощелкивая пультом телевизора, Радаев попал на местные новости и задержался до криминальной сводки. Немолодая блондинка-телеведущая с харизмой полена, округляя густо подведенные глаза, поведала о чудовищном преступлении, в котором подозревался некий гражданин Бескаравайный, безработный двадцати пяти лет.

Пока Радаев ходил за ноутбуком, располагался в гостиной, мониторил местные форумы, червячок сомнения в голове вымахал до полноценной чешуйчатой гадины. Вроде бы и ничего такого, ну поцапалась семейка маргиналов. Да им подобные каждый день друг друга режут! Но что-то здесь было не так. У Беса не было мотива. К деньгам парочка относилась философски – легко пришли, легко ушли. От наркоты держались подальше, бухали умеренно. Ревность? Да какая ревность между шлюхой и сутенером?! При этом Коза сама решала, с кем ей трахаться, а Бес лишь обеспечивал безопасность. Чуйка Радаева завывала полицейской сиреной.

На официальных сайтах информация мало чем отличалась от услышанной по телевизору. Радаев нахмурился и копнул чуть глубже. Сайт chernu.ha прикидывался новостным порталом, но на деле освещал городскую жизнь довольно однобоко, аккумулируя факты погрязней да пожареннее. Здесь начиналась территория броских заголовков и многозначительных домыслов. Нужная Радаеву новость называлась «Мужчина расчленил и частично съел свою сожительницу». В комментариях к новости некто с ником «cop1993» клялся, что его шурин был на выезде и блевал дальше, чем видел. Радаев мысленно сплюнул и зарылся в городской форум.

Новость активно обсуждали и тут. Под топикстартером набралось под сотню комментариев, в основном брюзжания и нытья о том, куда катится мир, да чуток конспирологии на тему «власти скрывают». Главным ньюсмейкером был, видимо, комментатор с «Чернухи». Даже ник почти один в один – «police1993». Выдавая за источник информации мифического шурина, парень, похоже, лгал. Слишком много деталей, по которым Радаев догадался: комментатор работает в полиции и был на месте преступления лично.

Следов изнасилования нет, а вот следов насилия – на десяток психопатов хватит. Голова практически отделена от тела, нет глаз и языка. Вскрыта брюшная полость, внутренности отсутствуют. В частности, не хватает сердца и печени. Легкие и желудок сильно повреждены. На бедрах и предплечьях многочисленные рваные раны. Чем больше подробностей узнавал Радаев, тем сильнее утверждался в мысли, что Бес ни при чем. Кишка тонка и воображения маловато.

Самое странное, что соседи ничего не слышали. Коза и Бес жили в старой хрущобе с бумажными стенами и были на плохом счету у местного участкового. Окруженные пенсионерами со всех сторон, но любящие пошуметь, они стабильно, пару раз в неделю, общались с полицией. А тут убийство, чудовищное, жестокое – громкое наверняка! – и никто ни ухом ни рылом!

Закопавшись в Интернет, Радаев начисто выпал из реальности. В себя пришел, когда Жасмин подошла поцеловать его перед сном. Радаев рассеянно обнял дочь, поставил чайник и долго стоял, глядя на кафельный фартук. Крик незнакомки в зеленом мире из сна звенел у него в мозгу. Пока пухлая рука Ольги робко не протянулась и не выключила газ, Радаев не понимал, что это не крик, а свист. Чайник вскипел. Вот только пить ему совершенно не хотелось. Голова

практически отделена от тела... не хватает сердца и печени... Сильнейшая изжога поползла к горлу. Радаев знал, твердо знал, что все это чушь. Но никак не мог отделаться от предчувствия – стоит смежить веки, в тот же миг Дерево войдет в его сны.

Так и происходит. Как может, Радаев оттягивает неизбежный сон. Пьет чай с конфетами, не чувствуя вкуса, кружка за кружкой. Закидывается таблетками от изжоги, а когда не помогает – растворенной в воде содой. Смотрит ящик, бездумно переключая каналы, не вникая в суть передач и фильмов. Вяло проматывает сайты, но всякий раз оказывается на городском форуме.

Во втором часу ночи, устав и разозлившись на собственную нерешительность, Радаев отправляется в спальню. Ольга делает вид, что спит, но на самом деле притворяется. Радаев переворачивает ее на живот и долго трахает, впиваясь пальцами в бледные трясущиеся ягоды. Трахает яростно и резко, отчего Ольга начинает стонать.

«Хоть кому-то хорошо», – думает Радаев.

Он злится на очередную глупую отсрочку, но ничего не может с собой поделать. Уютная чернота сна превратилась в полные опасностей джунгли. Ему совершенно туда не хочется.

Они кончают друг за другом, как раньше. Довольная Ольга не торопится в душ, гладит мужа по взмокшей груди. От ее прикосновений сон наваливается с утроенной силой. Радаев хочет рывкнуть на жену, но вместо этого бурчит что-то, что Ольга принимает за слова нежности. Радаев сдается, он действительно устал и вымотался. Он расслабляется и только сейчас понимает, что все это время у него был напряжен каждый мускул. Обмякшее тело растекается по матрасу, продавливает, просачивается сквозь него и вываливается с другой стороны. Среди зелени и листвяного шепота.

Радаев прислушивается, не кричит ли Коза. Не слышать. Огромное дерево живет, скрипит, шумит, постукивает – иных звуков нет. Хотя... Радаев наклоняет голову набок. Точно! Далеко-далеко, так, что даже ему сложно разобрать, на несколько веток ниже кто-то... идет? Да, кто-то передвигается, и стук шагов, резонируя, летит вверх, в стороны, всюду, туда, где может находиться тот, кто услышит и сможет распознать.

Чья-то вытянутая когтистая лапа мягко вползает в поле зрения. Радаев вздрагивает, но быстро приходит в себя. Это не чья-то, это его лапа впивается в кору когтями, цепляясь за трещины и выступы. Не лапа даже... больше на крыло похоже, как у летучих мышей. Только вместо перепонки – зеленоватое оперение.

Радаев передвигает крыло вперед, потом второе, и вот уже скользит по стволу, перетекает, словно капля ртути. Ловко, стремительно он стелется по толстой ветке, без труда огибая наросты и ветви поменьше, перепрыгивая, а то и проползая под ними, вися вниз головой. Когда нужно спуститься ниже, он бесстрашно ложится на воздух и планирует, ловя щекотный ветер трепещущими перьями. Новое тело кажется ему настолько органичным, что Радаев даже не удивляется, когда понимает, что темное пятно, маячащее между глаз, это короткий, загнутый книзу клюв.

Топот идущего внизу становится все громче и ближе. Не сбавляя скорости, Радаев любит своим смертоносным арсеналом. Играючи стесывает толстую кору, перерубает крупные, толщиной с коровью ногу, сучья. Красота! Такими лезвиями можно и башку снести, и брюхо распороть! Он удовлетворенно посвистывает, представляя, как перекусывает тонкую девичью шею. Или вспоминает? Радаев трясет головой, силясь разделить себя-птицу и себя-человека, но ничего не выходит. В голове стучит одно слово – коза.

Коза. Коза. Коза.

Желудок Радаева урчит, под тонким острым языком выступает слюна. Шаги уже совсем рядом. Цепляясь когтями за трещины в коре, Радаев свешивается вниз головой. Широкие крылья распахиваются, поднимая маленький ураган. Из клюва вырывается хищный клекот. Тот,

кто стоит внизу, оборачивается и верещит от ужаса. На мгновение игла узнавания пронзает Радаева-человека. Но Радаев-птица лишь недоумевают.

Бес? Кто такой Бес?!

Радаев-человек и сам уже не очень уверен.

Бес – это вроде как муж Козы. Ерунда какая-то!

Зато Радаев-птица уверен на все сто.

Конечно, ерунда. Муж козы – козел! Сочный, упитанный, наполненный солоноватой кровью козел. Вон он бежит спотыкаясь, неповоротливый кусок мяса!

Когти отрываются от дерева. Крылья ловят поток восходящего воздуха. Зеленая тень бесшумно пикирует на обреченного человека.

Радаев был не из тех, кто рефлексировал, он привык принимать реальность, как она есть. В его любимых боевиках прямолинейный герой всегда действовал – бил морды, стрелял, трахался и снова бил морды, даже если силы неравны, – и так выходил победителем. В ужасиках герой вечно наматывал сопли на кулак, не веря, что с ним происходит какая-то чертовщина, пока эта чертовщина его не приканчивала. Поэтому фильмы ужасов Радаев терпеть не мог. Поэтому сразу принял, что сейчас чертовщина происходит с ним и надо принять это и жить дальше. Но увязать ее с лохом сумел не сразу.

Местные новости повсюду мурыжили вчерашнее убийство. Беса все еще не нашли, но Радаев знал, что искать там особо нечего, и заранее мысленно извинялся перед коллегами, которым придется этот фарш опознавать. Он... то, чем он становился во сне, странное крылатое существо, похожее на птицу лишь отдаленно, убивало Беса долго, с жестокостью, присущей скорее кошкам. И даже после того, как изувеченное, растерзанное тело перестало трепыхаться, крылатый демон раздирает когтями мясо, расшвыривал кости, валялся в ошметках. Играл.

Радаев не стал обманывать себя. Ему понравилось.

Рабочий день тонул в привычной рутине. У Радаева было полно времени, чтобы обкатать все в голове и понять – нет, ему не стыдно, не страшно и не отвратительно. Ему легко и... сыто? Пожалуй, так. Он перестал бояться зеленых сумерек. Напротив! Теперь его тянуло туда. Сладкий жар, сродни томлению по любимой, разливался по телу при мысли о ночи и том, что она принесет. Немного портила удовольствие стайка крамольных мыслишек, мечущаяся в океане его неги, – почему это случилось со мной? почему сейчас? кто следующий? – но они были слишком малы, а укусы их слишком слабы, чтобы Радаев расстроился всерьез.

Пожалуй, сегодня ничто не смогло бы испортить ему настроение. Даже когда криворукий Лапин едва не обварил ему яйца горячим кофе, Радаев не заорал, не заматюгался, а лишь хмыкнул язвительно:

– Хреново выглядишь. Не выспался?

Лапин, вытиравший пролитый кофе с коробки передач, вздрогнул. Будь у него еще один стакан, пролил бы и его. Напарник помолчал, будто раздумывая, стоит ли делиться переживаниями с таким человеком, как Радаев. Вздохнул протяжно.

– В точечку. Вроде ложусь рано, не просыпаюсь, а утром... ай, сука, сам видишь! Будто реально вторую ночь по этому дереву круги наматывал?

Радаев напрягся, но постарался не подать вида. Может, послышалось?

– Чего? По какому дереву?

– Да-а-а-а... блин... – замылся Лапин. – Шут его знает, если честно. Вторую ночь подряд снится. Здоровое такое, ни конца ни края не видать. По ветке, как по дороге, идешь. Ну, говорю же, сон! Во сне всякая хрень бывает.

У него вырвался смешок. По тоненькой нотке истерики Радаев уловил, что напарник, скорее, убеждает сам себя.

– Ну и чего ты там, на этом... дереве, яблоки собираешь?

– Ой, слышь, в жопу иди, а?

– Ладно, ладно! Не ерепенся. В натуре интересно. Че, в самом деле две ночи подряд один и тот же сон? – Он улыбнулся и даже пошутил, для разрядки: – Это вообще законно?

– Вторую ночь, – буркнул Лапин.

– И как?

Напарник долго молчал, и Радаев уже было решил, что обидел его всерьез, как Лапин вдруг тихо сказал:

– Страшно.

Помолчали. Лапин – словно собираясь с духом. Радаев – чтобы не испугнуть.

– Понимаешь, там вроде красиво, цветы там и всякая такая муйня, ну, лианы, знаешь... Мне кажется, я даже запах чую. Красиво, серьезно. Когда впервые увидел, аж дыхание перехватило. А потом... сука, не знаю, как это описать. Вот... ты ж смотрел какой-нибудь там «Нэшнл географик» или «В мире животных»?

– Ну.

– Баранки гну, епть. Короче, вот смотришь ты передачу, и там тоже красиво. А диктор в это время говорит, что если ты в реальных джунглях будешь вот так хлеборезкой щелкать, то долго не протянешь. Потому что за каждым красивым кустом сидит сраный тигр!

– Какие, на хрен, тигры на деревьях? – усмехнулся Радаев.

Не сдержался. Он-то знал, какие. Зеленоперые, с шестиметровым размахом крыльев. Лапин зыркнул на него недобро и отвернулся к окну. Начал накрапывать дождик, и Радаев замечтался, представляя, какие, должно быть, радуги украшают Древо после дождя. Искося поглядывая на Лапина, он усмехался про себя. Ох, знал бы напарник, что его персональный тигр гораздо ближе, чем он думает! Поделом полудурку.

Он почти задремал, убаюканный теплыми мыслями и дробью дождя по крыше, когда Лапин повернулся. На лице напарника читалась нешуточная борьба – сказать или не сказать. Наконец Лапин вздохнул и с опаской выдал:

– Тут вот еще что... Ты только не подумай чего, вообще без всяких задних мыслей. Там это... короче...

– Хорош сиськи мять.

– В общем, оба раза там твою Жасмин видел...

Он еще что-то рассказывал, про соседние ветки, ведущие к странному наросту на неохватном стволе, напоминающему жутковатый то ли замок, то ли храм, клялся, что ничего такого во сне не представлял и вообще мог обознаться, но Радаев его едва слышал. Он вдруг вспомнил, как вчера, перед сном, целуя его в свежесбриту щеку, дочка шепнула: «Добрых снов! Увидимся на деревце» – и ясно понял, что спать отныне не будет. Никогда.

Дверь в сарай открывается с протяжным скрипом. Это вместо звонка, Радаев специально не смазывает петли. Прозрачная лапша толстых полиэтиленовых штор колышется, когда он выходит из «мясницкой». Как-то, насмотревшись криминальных фильмов, он соорудил себе личный кабинет по образу и подобию – здесь Радаев самолично режет барашков на шашлык, а иногда, очень редко, чрезмерно зарвавшихся двуногих.

В «предбаннике», кряхтя и пиная дверь на мощном доводчике, возится Лапин. В руках два больших пакета из «Ленты». Радаев смотрит на торчащую из пакета палку копченой колбасы и чувствует тошноту. А еще отвращение к несырому, обработанному мясу. Голода не чувствует вовсе. Он проводит рукой по лицу – щетина мерзко шуршит по коже – и идет придержать дверь. Лапин, благодарно кивая, пристраивает пакеты на верстаке.

– Обожди!

Он снова ныряет на улицу и возвращается с двадцатилитровой канистрой бензина. Радаев недоверчиво смотрит на зеленый металлический бок, вслушивается в вязкое бульканье.

– Это еще зачем? Обсохнуть боишься?

Лапин пожимает плечами, дескать, мало ли, пригодится. На напарника он старается не смотреть. В льющемся с потолка холодном свете лицо его напоминает маску Фантомаса из старых французских комедий. Такое же синее и безжизненное. Радаев смотрит на него и думает, что выглядит не лучше. Шутка ли, четвертые сутки без сна?

– Ты, сука, издеваешься, что ли?

У Радаева нет сил, чтобы злиться на кого-то, кроме упрямого лоха. Виноватые глаза напарника снуют по стенам, по верстакам и шкафчикам. В те краткие мгновения, когда взгляды их пересекаются, Радаев видит в нем трусливую надежду – а вдруг?! Опрокинутая пинком канистра недовольно булькает.

– Чтoб я этого говна тут не видел, понял?

Послушный Лапин угрюмо кивает. И все же, возвращаясь в «мясницкую», Радаев спиной чувствует, как он, стараясь не шуметь, прячет канистру между верстаками. Словно взаправду верит, что Радаев сделает то, что просит – велит? приказывает? – лох.

В «мясницкой» висит густой аромат боли. Боль пахнет кровью, потом и экскрементами. Голое тело лоха – словно учебное пособие юного инквизитора. Распухшие, лишённые ногтей отростки, растущие из кистей, ничем не напоминают пальцы. Скорее перекормленных пиявок. В них совсем не осталось углов. На левой руке явный некомплект: три из пяти. Под волосами не видно, но одного уха также не хватает. На его месте рубец, шов, наскоро схваченный раскаленным ножом. На первый взгляд кажется, что на лохе живого места не осталось, но Радаев знает, что это не так. До предела еще далеко. Эта гнида сломается раньше, чем у Радаева кончатся аргументы.

За спиной раздаётся приглушенный глотающий звук. Прижимая ладонь к губам, побледнев еще сильнее, Лапин корчится у двери. Радаев грозит ему кулаком.

– На улицу, мать твою! На улице рыгай!

Напарник выставляет перед собой ладонь. «Я в норме», – говорит он, хотя норма отныне понятие крайне размытое. «Вот малахольный, – отрешенно думает Радаев. – Раз десять уже заходил, а все блевануть норовит». Он собирает волосы лоха в горсть. Странно, вроде и ушей поубавилось, и зубов, но голова с каждым разом все тяжелее и тяжелее. Или это руки отекли? Радаев с сомнением смотрит на свою ладонь, вертит ею и наконец легонько похлопывает лоха по щеке. Тот, словно только того и ждал, что-то бессильно бормочет.

– Что-что? – Радаев наклоняется поближе. – Одумался, шакаленок?

Не в силах шевелить губами, лох издает звуки одним лишь горлом. Слова, тонушие в сипе и свисте, едва различимы. Слоги-кирпичики выстраиваются вкривь и вкось. И все же Радаев слышит и понимает каждое.

– Это... можешь... закончить... только... ты...

Не сдерживаясь, Радаев плюет от досады. Черт те что, детский сад какой-то! Ты! Нет, ты! А я говорю – ты!

– Мразь упертая, – скрежещет он и удивляется своему неживому, механическому голосу. – Но ничего-о-о... ничего, я поупертее буду.

Рука сама нащупывает на верстаке широкие садовые ножницы. Лезвия расходятся, хищно обнимая свисающие гениталии пленника. До этого момента Радаев не прибегал к мерам настолько крайним. Говорила в нем и мужская солидарность, и некая извращенная эмпатия, но куда больше – практичность. Толку чуть, а жертву угробить раньше времени – легче легкого. Но сейчас Радаеву хочется растоптать лоха. Унизить. Лишить его чего-то по-настоящему неотъемлемого для любого мужчины.

– Последний шанс. Слышишь меня, ты? Последний шанс даю!

Хриплый кашель, мокрота пополам с кровью.

– Не... могу... ты...

Радаев демонстративно пожимает плечами. Не для пленника – для Лапина, чтобы показать – у меня всё под контролем, я этого гада дожду. Он поворачивается к напарнику и успеваешь увидеть, как прямо в лоб ему летит пудовый кулак, перечеркнутый тусклой полосой серого металла. «Кастет», – отстраненно думает Радаев, прежде чем стенки его черепа расцветают изнутри радужными фейерверками, за которыми следует долгожданная, желанная, опасная темнота. Радаев изо всех сил цепляется за края стягивающейся воронки, но соскальзывает. Соскальзывает. Соскаль...

Где-то совсем рядом, радуясь встрече, шелестит Древо.

Вопреки всему, Радаев и впрямь был хорошим полицейским. Неуверенное знание теории многократно окупалось сильнейшей практикой. Выстроить нехитрую цепочку умозаключений сумел бы и тугодум Лапин, кабы знал о снах, единых для всех причастных. Но вот взять лоха по-тихому, чтобы не возбудить интерес соседей или, упаси боже, коллег по цеху, – это уже работенка для матерого волчары Радаева.

Напарника даже уламывать не пришлось. Третья ночь на Древе вытянула из него все мужество. Дерганый, красноглазый, Лапин шарахался от собственной тени и, когда Радаев, отчаянно переигрывая, признался ему, что тоже видит сны, вцепился в него как в спасательный круг. На деле Радаев прошлой ночью даже не ложился. Поздно вечером зашел в детскую, присел на пол у кровати и долго разговаривал с дочкой, чего не делал уже очень давно. Не просто слушал, наслаждаясь любимым голосом и домашним покоем, а безудержно болтал, улыбался бесхитростным шуткам, выдумывал небылицы про пойманных жуликов и, как бы невзначай, расспрашивал о снах.

В гостиную Радаев вернулся в совершенном раздрае. В душе нежилась теплое, похожее на ласкового кота, чувство. Разум истошно вопил: она там! Жасмин там! Она в опасности! До самого раннего утра, показавшегося на редкость хмурым, Радаев шерстил оккультные сайты. Не нашел ничего даже отдаленно похожего. Нет, поисковик выдал миллионы ссылок на Мировое Древо и его скандинавский вариант с непроизносимым названием, но ни слова про бесшумных зеленокрылых убийц, способных одним взмахом лапы оторвать человеку голову. Ближе всех подобралась иранцы, на их Мировом Древе жил царь птиц Семург, но он все больше занимался разбрасыванием семян, а с виду напоминал скорее псину с крыльями. Да и где тот Иран, а где этот волосатый лох Андрей? У него даже фамилия корейская.

Радаев не сильно расстроился. Никакой конкретики от Интернета он и не ждал. В конце концов, это не кино, где у всякой древней нечисти собственный сайт и страничка «Вконтакте». Скорее, он просто убивал время, прогоняя сон. На дежурствах ему доводилось подолгу обходиться без сна. Но то на дежурствах. Оказалось, что принудительно бодрствовать вне работы невероятно сложно.

А сейчас они с Лапиным стояли напротив девятиэтажного дома, где, если верить прописке, жил Андрей Сергеевич Пак. Помятые, осунувшиеся, с красной сеткой лопнувших капилляров, затянувшей глаза, напарники напоминали алкашей в поисках опохмела. Потому, чтобы не привлекать внимания, Радаев старался действовать быстро, но без видимой спешки. Домофон кифраловский, проблем быть не должно. Он открыл в телефоне сохраненный файл, куда дотошно заносил универсальные коды для всех возможных марок домофонов. И от Интернета есть какая-то польза. Скрестив пальцы на удачу, Радаев ввел комбинацию цифр. Услышав немелодичный писк электронного замка, облегченно выдохнул и нырнул в подъезд. Поднимаясь в лифте на восьмой этаж, он старался не думать, что будет, если лох проживает не по прописке или, того хуже, предъявил фальшивый паспорт. Время ускользало, Радаев чувствовал это загривком. Долго без сна не протянуть. Еще пара ночей, быть может три, а потом организм попросту выключится. К счастью, удача оказалась на его стороне.

На первом же звонке открылась дверь. Лох, похоже, даже в глазок не глянул, за что Радаев тут же наказал его ударом электрошокера. Не давая опомниться, втолкнул в прихожую, досылая вдогонку редкие, но точные и сильные удары. Парень, конечно, спортсмен, боец, да только Радаев и не таких складывал. Наподдав упавшему на четвереньки лоху ногой по ребрам, Радаев следом за ним ввалился в комнату и остолбенел.

Скатанный к лоджии линолеум обнажал фанерный пол. Нарисованное зеленым маркером Древо было довольно схематичным, но Радаев узнал его в тот же миг. Как узнал раскинутые над ним крылья, словно у летучей мыши, оканчивающиеся сабельными когтями. Комната пахла листвой, буйной, солнечной. В ухе что-то щелкнуло, на тонкой комариной ноте зазвенел мир. Повис на ней, в любую секунду готовый сорваться в дикие заросли зеленого ада.

– Это же мое, сука! Ты где это взял?! Где взял, говори!

Звон отступил под истошным ревом Лапина. В одной руке напарника трепыхался кажущийся субтильным на его фоне лох. Другая потрясала массажной расческой, забитой светлыми волосами. Радаев хлопнул себя ладонью по виску, выбивая комариный писк из уха. Окинул комнату трезвым взглядом и тут же увидел то, что упустил, оглушенный примитивным рисунком: расчески в переплетении нарисованного корневища. Три штуки. Лапин узнал свою. Не надо быть гением, чтобы сообразить, что одна из двух оставшихся принадлежала Бесу и Козе. Потому что свою расческу Радаев тоже узнал.

Как сомнамбула, он взял напарника за плечи, отводя в сторону. Взвинченный Лапин подпрыгивал, совал Радаеву под нос расческу и что-то жалобно лопотал. Радаев не слышал. Все так же неторопливо он прошелся по комнате. Задержался возле столика, заваленного книгами: древние фолианты и тоненькие брошюры, пачки распечаток и золотое тиснение, все в кучу. Встречались даже копии, набранные характерным шрифтом печатной машинки, а то и вовсе пожелтевшие от времени рукописные страницы. Радаев раскрыл одну книгу наугад. На толстой кожаной обложке не было ни имени автора, ни названия, ни даже рисунка какого. Страницы отворились неохотно, сопротивляясь. Черно-белая гравюра – человеческое лицо в обрамлении столбцов текста, то ли иероглифы, то ли арабская вязь. Вроде ничего особенного, но навалилась убийственная слабость, даже руки затряслись. Радаев поспешно захлопнул книгу, отер выступивший на лбу пот рукавом. Он так и не понял до конца, какие детали, какие штрихи выбили его из равновесия, но повторно заглядывать под обложку не испытывал ни малейшего желания. Радаев скрипнул зубами, словно пытаясь перегрызть скользкий хвост паники. Не вышло.

– Да кто ты, сука, такой?!

Ответом ему была лишь бледная полоска стиснутых губ. Радаев присел перед лохом на корточки. Все внутренние резервы уходили на то, чтобы унять поднимающийся из сердца ледяной ужас.

– Откуда у тебя наши вещи?

– Есть способы. Умею подбирать ключи к дверям и к людям.

– Дочку мою на хрена в это впутал?

– Нехорошо получилось... не думал, что там ее волосы окажутся. В самом деле, нехорошо. Извини.

И так нелепо прозвучало это искреннее извинение, что Радаев захохотал. С минуту ржал в голос, до боли в боку, похлопывая себя по коленям. Изумленный напарник сдвинулся в сторону и благообразно помалкивал.

– Извини?! – утирая слезы, выдохнул Радаев. – Извини?! Ты чего, конченный? Давай вытаскивай ее оттуда. Всех нас вытаскивай, понял?

Лох яростно замотал головой.

– Не могу. Теперь это можешь закончить только ты.

– Вот так поворот! Так ты инструкцию дай, что ли? Мы все больше по жуликам работаем, с этим вашим вуду не знакомы...

– Это не вуду, – перебил лох, – это гораздо древнее.

– Да насрать, – в голосе Радаева зазвенел лёд. – Ты, главное, говори, что делать.

Лох отбросил волосы, впился в глаза Радаева пронзительным взглядом и, четко разделяя слова, сказал:

– Сожги себя.

– Чего?

– Облей себя бензином и подожги.

В упавшем молчании слышно было, как в квартире этажом ниже работает телевизор. А уже через секунду Радаев согнулся в повторном приступе хохота. Вскоре к нему присоединился нервный гогот Лапина.

– Ну ладно, – отсмеявшись, фыркнул Радаев. – Вижу, тут у нас разговор не склеится. Поднимайся-ка, поедешь с нами в отделение...

Он протянул лоху наручники, и тот покорно защелкнул их на запястьях.

– И чтобы без глупостей, усек?

Лох кивнул, пряча страх в глубине глаз. Страх, настоящий, чистый, животный. Радаев не мог ошибиться, и от этого узнавания разродился своей самой хищной ухмылкой. Парень ни на секунду не поверил трепу про отделение. На выходе из дома у Радаева мелькнула странная, где-то даже немного пугающая мысль. Лох словно ждал их. Ждал, боялся до одури, и все же не собирался бежать.

Видимо, в забытье он находится совсем недолго. Темнота даже не успевает пустить зеленые побеги. Подобно двум бронированным гермодверям, открываются веки – тяжело, неохотно. Радаеву чудится скрип несмазанных петель. Картинка размытая, да еще и вертикальная, как поставленный набок телевизор. Чугунная голова норовит пригнать к полу, от которого пахнет... бензином.

Маслянистый запах срабатывает лучше нашатыря. В мозгу проясняется, Радаев начинает ощущать собственное тело. Он даже находит в себе силы встать, но бережет их для рывка. Даже с закрытыми глазами, даже с сотрясением можно многое узнать, если довериться чувствам. Стоит чуть дернуть губой, и лицо горит. Носа Радаев не чувствует, и даже не сомневается – сломан. Волосы мокрые и слиплись, а вот футболка сухая от воротника и ниже. Значит, бензином облили только голову. Если полыхнет, можно натянуть футболку как мешок, перекрывая кислород. Ожогов не избежать, зато жить будет.

Радаев вновь приоткрывает глаза. С пола кажется, будто Лапин и табуретка с пленником каким-то хитрым образом прикручены к стене. Веселый обман, как на фотках с аттракциона «Дом вверх дном». Склонившийся над пленником Лапин рубит ладонями воздух. Не лоха бьет, как сперва кажется Радаеву, а просто бурно жестикулирует. Сквозь туман сотрясения проскальзывают отдельные слова. От голоса Лапина – жалкого, испуганного – Радаеву становится мерзко. От голоса лоха – жесткого, властного – страшно.

– ...сам... он сам... только он должен...

– Да какая разница, ну?! Я ж не хуже, я справлюсь! Тут же только колесиком черкануть! А, Андрюха? Давай я?!

– ...не смей... пускай он сам... ритуал нельзя нарушать... только он...

– Ты посиди, Андрюха, ща-ща, пару сек! Ща, я тебя распутаю... Ты не серчай, слышишь? Ну, спорили хрень, бывает же, да? Ща... пару сек! Я все исправлю, Андрюха, ладно?! А он... сам – значит, сам, че... Уговорим!

Борясь с тошнотой, Радаев поднимается на четвереньки, встает на колени. «Андрюха, значит? Быстро сломался, напарничек, крыса, паскуда, тварь... Гнида трусливая...» Оброненные садовые ножницы весят, кажется, тонну. Потому, вместо того чтобы воткнуть их Лапину

в шею, Радаев бьет, докуда дотягивается. В бедро, с внутренней стороны, надеясь зацепить артерию.

Расчет себя оправдывает. Сдвоенное лезвие жадно чавкает, впиваясь в мясо. Штанина мгновенно намокает по колено. Радаев успевает развести лезвия и снова сжать их, прежде чем Лапин начинает орать. «Словно металлический клюв, – думает Радаев. – Клюв огромного крылатого создания, опасного и голодного». Изнутри, возможно с той стороны, с самого Древа, приходит понимание – надо просто заснуть. Просто закрыть глаза и открыть их там, среди зеленого шума. Там утихнет боль, заживут раны, и все сразу же наладится. Губы Радаева расплываются в идиотской улыбке.

Кулак Лапина тут же сплющивает их в две кровавые олады. Кастет напарник снял, иначе к сломанному носу добавилась бы еще и челюсть. Боль молнией ввинчивается в размякший мозг, ненадолго встряхивая его. Радаев не хочет умирать. Он хочет летать, охотиться, рвать добычу, а умирать не хочет. Но Лапин, бледный как смерть, страшный как смерть, наползает на него, скалит желтые, нечищенные зубы, воняет прогорклым кофе, протягивает к горлу скрюченные пальцы.

Каким-то чудом Радаеву удается подтянуть колени к груди. Он отталкивает напарника, приподнимает тяжелое, истекающее кровью тело над собой. Заводит ножницы Лапину под подбородок, а когда острое упирается в горло, чуть выше кадыка, резко убирает ноги. Лишенное опоры, тело Лапина падает вниз, голова под собственным весом насаживается на лезвия, словно на шампур. Радаев чувствует стук металла о кость черепной коробки. Словно от удара током, руки и ноги Лапина разом вытягиваются в стороны и тут же обмякают. Рукоятки больно давят Радаеву на грудь, мешая дышать. Он вскрикивает, переваливая мертвого напарника на бок.

В голове образуется приятный вакуум. Две одинокие мысли носятся там, сталкиваясь друг с другом и отлетая, как мячики в автомате пинг-понга. Надо встать и заканчивать дело. Но сил нет. Надо полежать минутку-другую, чтобы набраться сил. Нет, надо встать, срочно встать. Но сил нет. Значит, надо полежать минутку-другую. Минутку... другую... спи, глазок... надо встать... спи, другой... надо...

Привязанный к стулу пленник с усилием запрокидывает изувеченное лицо. Силится открыть глаза, но заплывшие веки неподъемны. Он долго вслушивается в тишину, поворачивая голову то одной, то другой стороной. В его движениях проскальзывает что-то птичье. Наконец он тихо, обреченно смеется. Единственная уцелевшая ушная раковина доносит до него сиплое дыхание спящего Радаева.

– Вот дерьмо... – горько шепчет пленник.

Уронив голову на грудь, он перестает двигаться. Из разбитого рта на пол тянется кажущаяся бесконечной тонкая паутинка кровавой слюны.

Между квартирой Андрея и загородным домиком с оборудованной мясницкой была одна остановка. Радаев попросил напарника заехать на минутку к нему домой. Сказал, что забыл бумажник. Лапин знал, что он врет, но в подробности вдаваться не стал. Только шепнул, прежде чем разблокировать дверь:

– Ты только мухой давай, ладно? Не хочу с этим один сидеть.

Радаев кивнул, и не мухой даже – пулей взлетел, перепрыгивая через две ступеньки, до самой квартиры. На требовательный звонок дверь открылась не сразу. Еще бы, настолько рано его никто не ждал. Сонная Ольга в домашнем халате вжалась в стену, пропуская мужа. Кажется, сегодня суббота?

Не разуваясь Радаев протопал в кухню. Там, фыркая и отдуваясь, сполоснул лицо холодной водой. Дергая небритым кадыком, долго пил прямо из чайника. Понимая, что своим пове-

дением пугает и без того перепуганную Ольгу, он, однако, добивался иного. Попросту пытался успокоиться, чтобы не придушить эту лицемерную крысу сию же секунду.

– Оля...

Он вдруг осознал, как давно не называл жену по имени. Округлое, мягкое, сейчас оно царапало горло, казалось чужим и незнакомым. Радаев откашлялся, глотнул воды, с грохотом поставил чайник на плиту.

– Оля, принеси расческу. Что-то я растрепался, пока бежал.

Не отрывая от стремительно бледнеющей жены взгляда, он взъерошил мокрые волосы. Стричься он старался коротко и расческой пользовался нечасто, лишь когда долго не мог добраться до парикмахерской. У него была старая металлическая гребенка, еще от бати осталась. Похожие на дельфинов завитушки, гравировки «50 коп.» с одной стороны, стилизованное слово «Гатчина», название фабрики, наверное, с другой. С левого края не хватало зубца. Если бы у Радаева были друзья, он бы мог сказать, что знает ее лучше, чем старого друга.

– Вот...

Ольга ожидаемо принесла свою деревянную массажку с какой-то щетиной вместо зубьев. Пухлые руки жены подрагивали. Радаев принял расческу, провел по волосам, морщась от прикосновений жесткой щетины к раздраженной коже.

– Ну как?

Ольга неуверенно улыбнулась. Радаев улыбнулся в ответ и ударил. Удар получился не столько сильный, сколько болезненный; получив по лицу расческой, Ольга скорчилась на полу. Острые иглы разорвали ей губу, оставили на щеке множество мелких дырочек. Нависнув над женой, Радаев принялся охаживать ее по голове и плечам, но Ольга закрывалась, так что страдали в основном руки. От каждого удара она всхлипывала и заходила дрожью, но молчала, не срывалась ни в плач, ни в крик. Привычно сносила наказание так, чтобы не услышала дочка.

– Почему, с-сука, почему?! Ты как посмела, дрянь?! Ты что там себе напридумывала?! НА МЕНЯ-А-А-А-А?! У-У-УБЬЮ-У-У-У!

Забылся. Сорвался. Заорал так, что, казалось, стекла посыплются. Ворот Ольгиного халата сам наматался ему на руку. Радаев выронил расческу и принялся лупить жену раскрытой ладонью. С каждым ударом ярость подавляла страх, делала его мелким, незначительным. «Я никого не боюсь! – в запале думал Радаев. – Это меня все боятся!»

Когда в него врезалось что-то маленькое, яростное, замолотило в спину, он едва не ударил наотмашь. Вовремя спохватился, выпустил Ольгу. Жасмин упала на мать, стараясь закрыть ее всем телом. Дочку трясло от рыданий, и среди всхлипов Радаев с трудом разобрал короткую отчаянную мантру:

– Не трогай маму! Не трогай маму! Не трогай маму!

Радаев отступил, виновато развел руками. Такого с ним еще не случалось. Жасмин ни разу не влезала в их тихие разборки. Ярость улетучивалась, словно гелий. Из неведомых глубин всплыло основательно подзабытое чувство вины.

– Принцесса, мы с мамой...

Он закашлялся. Дикий, растрепанный, с выпученными красными глазами.

Новая мантра оказалась еще короче:

– Уйди! Уйди-уйди-уйдиуйдиуйдиуйдиуйди!

Мягко высвободилась Ольга. Стиснула дочку в объятиях, пряча ее заплаканное лицо у себя на груди. Словно невзначай прикрыла ей уши.

– Он сказал, что ты исчезнешь, – шмыгая кровью, гнусаво пробормотала она. – Исчезнешь из нашей жизни. Навсегда. А мне больше ничего и не надо.

– Хрен тебе на воротник, падла! Вернусь, мы еще с тобой договорим...

Радаев многообещающе оскалился. И все же, когда в спину ему прилетела брошенная слабой детской рукой злополучная расческа, втянул голову в плечи – так пес поджигает хвост. Вдогонку, стегая сильнее любой плети, неся дрожащий тоненький голосок:

– Уходи! Уходи от нас! Уходи совсем!

Древо принимает его как родного. Никогда, даже дома, в самые лучшие дни, он не погружался в умиротворение настолько полное, что в нем хочется раствориться. В дупле стоит приятная прохлада, остужающая горящие раны. Он висит вниз головой, когтями цепляясь за выступы, купаясь в стекающей сверху древесной крови. Живительные соки, бегущие по венам Древа, здесь просачиваются наружу, образуют тоненькие ручейки, дарующие исцеление всему живому. Пахнет мокрой корой, палой листвой и самую малость – дохлятиной. Он вспоминает, что иногда приносит сюда остатки добычи.

Подставляя голову под древесную кровь, он раскрывает клюв, ловя ее маслянистую живость. Уходит усталость, исчезает боль – все, как обещано. Довольный клекот вырывается из его глотки. Раскинув крылья, он так и не достает противоположных стен. Если только сложить вместе троих таких же... Радаев моргает и настороженно крутит головой, впервые задумываясь – а есть ли еще такие же, как он?

Но мысль не держится долго. Восстановление отнимает силы. Голод напоминает о себе – единственная достойная мотивация, чтобы покинуть уютное, похожее на утробу гнездо. Огромные когти, венчающие сгибы сложенных крыльев, впиваются в древесину. Скользя по куполу к выходу, он не может нарадоваться на свое новое тело – не чета старому неуклюжему, двуногому. Двуногие... С потолка ему открывается вид на украшающие стены вырезанные рисунки – сплошь двуногие, в странных одеяниях, склоняющие колени, протягивающие руки, полные подношений – младенцев, животных, частей тел. Их лица кажутся ему смутно знакомыми. Он видел одно такое, совсем недавно, изувеченное, залитое кровью.

Шурша оперением, он переползает к выходу, не замечая, как на потолке раскрывается изображение крылатого демона с искривленным клювом. Открытое пространство встречает его мягкими сумерками. Здесь, среди занавесок из листвы, всегда сумерки. Зеленые, как... Он силится найти сравнение, но уже с трудом вспоминает, что значит сравнивать. Пустое брюхо ворчит. Голод – вот что по-настоящему важно. Ловко вскарабкавшись на ветку повыше, он замирает среди листьев, сливается с ними, вырастает в них перьями.

Для дальних перелетов он еще недостаточно силен. Инстинкт и память – не его, пока что еще не его память, – подсказывают, что нужно просто подождать, и они придут. Все они приходят сюда. Всегда. Не отрывая взгляда от ветки-тропы, он одним глазом смотрит на свое гнездо: вздутый кап невероятных размеров и еще более невероятной формы. Гнездо напоминает что-то из жизни его, двуногого. В том месте, где обитал он и ему подобные, встречались такие... укрытия? Он не понимает, для чего они предназначены. Двуногие там не живут, не едят и не спариваются. Скорее обращаются к кому-то могущественному, непознаваемому. Впрочем, эти мысли быстро теряют смысл. Его все больше занимает голод.

Неизвестно, сколько он сидит в засаде. Время тоже перестает что-либо значить. Когда на ветке-тропе раздаются шаги, он не выказывает нетерпения. Добыча сама подходит на расстояние удара. Уже совсем близко. Идет, беззаботно вертит головой и даже не смотрит вверх. Но даже направь она свой взгляд прямоком на его укрытие, нипочем не отличила бы маскировочное оперение от вездесущей листвы. Не взрослая особь, детеныш. Он чувствует легкое разочарование. Мясца едва хватит, чтобы заглушить голод. Он редко убивает детенышей, предпочитая добычу покрупнее, она дольше сопротивляется. Но сейчас важно восстановить силы.

Двуногий детеныш проходит прямо под ним и на мгновение запрокидывает голову, ловя лицом шальной солнечный зайчик. Когти, готовые отпустить ветку, крылья, готовые ловить

воздух, клюв, готовый терзать плоть, – замирают. Отчаянно барахтаясь в ворохе птичьих мыслей, Радаев выныривает из сна.

– Жасмин! – с криком выдыхает он.

Радаев садится слишком резко – голова задевает угол верстака и взрывается болью. Он тут же топит ее, затирает и забывает. Оказывается, это очень легко – не чувствовать боль, когда есть что-то более важное. Когда Жасмин в ином мире, рядом с древнейшим капищем, в шаге от смерти. Придерживаясь за столешницу, Радаев поднимается. Его шатает от усталости. Ужас превращает колени в студень, но он упрямо, шаг за шагом, движется к своей жертве.

Теперь Радаев аккуратен, почти нежен. За подбородок приподнимая голову лоха, он уже знает, что тот мертв. Знает наверняка: Радаев видел много жмуrows и не ошибается в таких вещах. Но он отчаянно надеется, что ошибся. Хотя бы в этот раз ошибся, как ошибся, выбрав в жертву этого страшного человека, чьи корни были связаны с Древом, возможно, даже раньше, чем в мир явился Готовый Умереть на Кресте. Радаев надеется, потому что перед глазами стоит запрокинутое лицо Жасмин, с желтоватым кружком солнечного зайчика на левой щеке, с беспечной улыбкой, заплаканными глазами и тоненькой жилкой, качающей кровь. И Радаев в ужасе оттого, что там для него имеет смысл только эта жилка. Это пока еще живое мясо. Эти хрупкие кости, таящие сладкий мозг.

– Очнись! Очнись! – Чуть не плача он трясет лоха за плечо. – Да очнись же ты! Сука, ты же крепкий мужик, давай, не вздумай сдохнуть!

Как всегда, он предельно честен с собой. Ему повезло. Просто повезло. Остатки отцовской любви в этот раз вытолкнули его в реальный мир. Во второй раз может не повезти. Черт! Да он уверен, что второго раза не будет. Потому что можно тысячу раз сказать «халва», но не испытать сладости. Потому что мир Древа не перестанет быть по-своему, но тоже реальным.

– Андрей! – брызгая слюной, орет Радаев. – АНДРЕЙ!!!

Трясущаяся рука находит нож, перепиливает веревки и пластиковые хомуты, стягивающие пленного. Тело валится набок, голова бьется о пол с такой силой, что последние сомнения опадают – лох мертв. Радаев скулит, как раздавленный пес. Он не верит, что эти звуки рвутся из его груди, и мечется, мечется, мечется по мясницкой, сметая со столов окровавленные инструменты. В какой-то момент нога его ударяется о канистру, и Радаев машинально наклоняется, ловя ее за ручку. И тут же все понимает.

Боясь передумать, смалодушничать, он отщелкивает пробку и, собрав остатки сил, запрокидывает канистру к потолку. Бензин стекает по его лицу, попадает в глаза и рот, раздражает слизистую, вонью своей забивает ноздри. Одежда намокает стремительно. С радостным глыть-глыть-глыть густеет тара. Радаев отфыркивается и яростно гонит от себя глупые мысли «зачем ты это делаешь?». Делает, потому что надо. Потому что он не оставил себе иного выхода.

Радаев подносит к лицу мокрые пальцы и едва не проваливается в панику. Потом бросается к Лапину, бесцеремонно вытирает о него руки и принимается шарить по карманам. Отыскав дешевую одноразовую зажигалку, он на долю мгновения испытывает мстительное торжество. «Что, черкнул колесиком, падла?!» Не отрывая глаз от мертвого напарника, он подносит зажигалку к сердцу. Большой палец, придавивший ребристое колесо, почти не дрожит. «Я сам черкну!»

Пламя не вспыхивает. Неохотно скользит по одежде, по рукаву, охватывает кисть, все еще сжимающую зажигалку. Только теперь Радаев чувствует боль. Он передумал, он пытается погасить огонь, но делает только хуже. Словно вкусивший человеческой крови хищник, огонь вгрызается в его лицо. Собственный вопль пронзает перепонки Радаева. Но куда громче и страшнее звучит треск сгорающих волос.

Странное дело: охваченный огнем, бросающийся из стороны в сторону, Радаев больше ничего не поджигает. Сваленная в углу ветошь, стопка старых журналов на верстаке, запас сухих

дров для мангала даже не обуглились, хотя Радаев пылал. Горел так, как не может гореть человеческое тело. Как не хватит гореть одной лишь канистре бензина. Изнутри. Дотла.

Когда стало нечем кричать, он еще долго корчился на полу, царапая доски объатыми пламенем руками. Пожрав кожу, мышцы и сухожилия, испарив кровь, огонь вгрызся в кости, и скелет Радаева беззвучно сотрясался, выгибаясь от боли. И лишь когда на пол осыпалась куча праха, неслышный вой утих.

Из пепла показалась рука, невыносимо розовая на сером фоне. За ней вторая. Вместе они напряглись, рывком вытягивая из небытия голову и плечи. Длинные волосы закрыли лицо штормками, когда Андрей перевалился через незримую границу, окончательно вытаскивая тело в мир живых. Он долго лежал, тяжело дыша и ощупывая себя – пальцы, уши, нос, ребра. Сработало. Неужели сработало?

Он поднялся и, недоверчиво качая головой, начал собирать свою одежду. В правом кармане джинсов нашлась зажигалка. Из левого, потайного, непонятно зачем пришитого горедизайнерами, Андрей осторожно вынул длинный светлый волос. Пламя слизнуло подношение в долю секунды. «Спокойной ночи, Жасмин. Нормальных тебе снов».

Олег Кожин

Нечистые

Убить ведьму предложил Юрец. Вот так просто, невзначай, будто комара ладошками расплющил. Мы сперва подумали, что он шутит. Юрец вообще много болтал, особенно о девчонках, и верить всем его рассказам могли только полные идиоты. Но потом он достал нож, воткнул его в стол, глянул на нас серьезно так и сказал, что видел, как бабка Софья потрошила курицу во дворе и умывалась кровью. И бабка Софья видела, что Юрец видел. После этого стало как-то не до смеха.

Юрцу было семнадцать, и он был крутой. Ездил на мотике, жил один, неделями пропадал на заработках где-то в области. В Церковище он появился год назад – примчался на красной «Яве». Весь такой важный, хоть и сильно побитый, в клёвом шлеме и кожаной куртке. Занял свободный дом прямо на берегу Усвячи – в том месте, где из реки друг за другом торчат три островка. Деревня у нас тихая, считай что заброшенная наполовину, хотя до границы с Белоруссией всего ничего. Люди тут сами по себе, если ты человек хороший, то и вопросов лишних задавать не будут. Вот и Юрцу не задавали, хотя тот и сам рад был почесать языком. И от бандитов он прятался, и в кругосветное путешествие собирался, и от богатой тетки скрывался, которой тройню заделал. В общем, брехло что твой пес.

Из-за трех лет разницы мы с Арбузом были для Юрца мелкотой, но он все равно дружил с нами. В Церковище народу осталось немного, человек пятьсот, и для пацанов примерно нашего возраста развлечений тут считай что и не было. Кто помладше – рыбу ловили, тритонов, гоняли мяч и бродячих котов. Кто постарше – девок в кустах щупали, самогонку пили, ходили в соседние деревни раздавать тумачков и их же огребать. Ну и какое-никакое хозяйство у всех: двор, огород, птица, животины. Дела найдутся всегда. Школа еще была, куда без нее. Старое деревянное здание сгорело четыре года назад, а новое забабахали там, где когда-то давно церковь стояла. Из кирпича забабахали, не хухры-мухры – к нам ведь еще и из соседних деревень учеников сгоняли. Школу я, понятное дело, не любил. То ли дело каникулы! Никаких занятий, а главное – приезжает Арбуз.

Я дружил со всеми понемножку, но ни с кем по-настоящему. Кроме Арбуза и Юрца. Даже не знаю, как так получилось. Не, с Юрцом-то понятно: мне хотелось стать таким же, сбежать куда глаза глядят, самостоятельным быть, деньги зарабатывать и девчонок на мотике катать. Ну а Арбуз был просто Арбузом. Прикольным таким балбесом из города. Во время каникул он жил в дачном поселке неподалеку и почти все свободное время лазил с нами по окрестностям. В Церковище ведь такая природа, что городскому и не снилось. Мы мастерили ловушки для слепней, кормили лошадей, лазили в заброшенные бани... И следили за ведьмой.

Я не знаю, как где, но у нас, у деревенской ребятни, любая странная бабка считалась ведьмой. О каждой ходили легенды, каждую хоть кто-нибудь видел на метле или у чугунка с варевом из детских пальчиков и крысиных хвостов. От звания ведьмы старух избавляла только смерть. С годами вся эта дурь из головы уходила, а вот бабка Софья в мир иной уходить не хотела.

У нас на нее накопилось целое досье. Она ни с кем не разговаривала, но все время что-то бубнила под нос. Словно заклинания какие-то. Она разводила только черных кур и почти каждый день что-то жгла на участке. Шептались, что во время пожара в школе бабку Софью видели рядом – всю в золе и в обгорелой одежде, точно черт из печки. Ей было лет двести на вид, но она легко таскала по два полных ведра воды в горку, рубила дрова и куриные головы, копала огород. А еще бабка Софья портила реку. Вываливала туда непонятное трюсево, бормотала что-то, палкой расчерчивала землю на берегу, изображая зверей и разные фигуры. Мы думали, что старуха совсем двинулась на голову, но потом пришло лето, а вода в Усвяче осталась ледяной – как в проруби. Опустить ногу – и по телу пупырышки до самого горла выска-

квивают. Уже и июль почти кончился, дачников навалом, а никто не купается. Девки только загорают, пацаны кругами ходят, пляшутся и трусы поправляют. Окунаются разве что закаленные, тут проще в бочку нырнуть. Самое интересное, что в год пожара было то же самое. Как будто солнце до речки не досвечивает.

Бабка была страшной, сторбленной, всегда завернутой в черные тряпки. Только косы и не хватало. Пройдешь мимо – и сразу все зачесется, заколется, жуть всякая мерещиться начнет. Ты быстрее ходу давай, пока в таракана не превратился, а она вслед смотрит, губы жуёт. Ведьма и есть. Но убивать? Я, бывало, лягушек разрубал, когда траву косил. Признаю. Мышей давил в погребе, одну даже поленом по крыльцу размазал. Ну и все, не считая рыбы и всякого гнуса. Про Арбуза и говорить нечего.

– А чего мы-то? – спросил я. – Сама помрет.

Старый дом поскрипывал деревянными костями, в щелях выл ветер. Наши тени липли к стенам, вокруг свисающей с потолка лампочки кружила мошкара. Пахло сливовым вареньем. Мы сидели у Юрца и под чай жевали пирожки с капустой, которые принес Арбуз. Здесь он попадал в лапы бабушки и его кормили на убой. С каждым летом он становился круглее, еле-еле влезая в любимые полосатые футболки.

Юрец вытащил ножик из стола, ковырнул грязь под ногтем. Глянул на нас и сказал:

– Потому что надо. Я тут в городе шуры-муры крутил с одной, поняли, да? Про Церковище проболтался. А она такая: «Это ж проклятая деревня!» Врубаются? Умирает здесь все. Самая пора пришла.

Я не очень врубался. Деревня умирала, потому что вокруг умирало хозяйство. Молочная ферма, совхоз, льняной завод – всё позакрывали. Вот люди и разъезжались по городам. Деньги зарабатывать, детей учить. Батя мой нашел работу электриком в райцентре, сутки через трое трудился. Укатил на велосипеде, смену отпахал, потом день с мужиками пропьянствовал – и назад, отсыпаться. Продукты привозил, деньги, генератор бензиновый упер где-то. В общем, нормально жили.

– Я ее потискал, пощекотал, поняли, да? Все рассказала. Нечистая сила тут живет, серьезная. Городские просто так трепаться не будут. Потому и утопленников летом много, и другие смерти странные.

Утопленников не то чтоб много было, но случались. Оно и ясно: если пьяным в Усвячу влезть, особенно когда та ледяная. Сразу можно ко дну пойти, что твой топор. Если бог пьяных и бережет, то точно не в воде. Ну а странные смерти... Кое-чего вспоминалось, было дело.

Юрец поднялся и подошел к окну, которое с той стороны подсвечивал малиновый закат.

– Я даже знаю, как эту нечистую зовут, – сказал он. – А теперь она за мной придет. Тут верь не верь, а придет.

Арбуз заерзал на месте, доедая пирожок. Его задница с трудом помещалась на табуретке. Он подавился, запил пирог чаем и пробормотал:

– Я фильм про ведьму смотрел. Она там в летучую мышь превращалась.

Юрец взял с дивана куртку и шлем, звякнул ключами.

– Мотоцикл не догонит, – проговорил он. – Я студенточку одну подвозил на днях, у нее сегодня родителей не будет. В гости позвала, поняли, да? И сиськи у нее как у Арбуза. Что надо сиськи, да, Арбуз?

Арбуз оттянул футболку, чтоб она не слишком облегла рыхлые тела, и показал средний палец. Я хохотнул. Юрец открыл дверь, остановился на пороге.

– У нее подружки есть, сестры-близняшки. Взял бы вас, но мелковаты еще. Женилки не выросли.

– Иди уже, заливала!

– Пойду. – Он постучал шлемом о дверной косяк. – А ведьму надо убить. Прикиньте план пока. Я завтра вернусь.

Дом давно стал нашей штаб-квартирой. Юрец не возражал. Мы знали, где что лежит, могли приходить в любое время, брать что угодно, и были такими же хозяевами, как он. Убирались, приносили еду, заросли во дворе стригли. Все понемножку делали.

Арбуз забрался на печь, устроился на лежанке и стал глядеть в потолок, почесывая живот.

– Мих, а Мих, – сказал он, – думаешь, Юрец струсил? Бабки Софьи испугался? Она же может ночью прийти сюда, да?

– А черт его знает. Ты б не испугался, если б ведьма на твоих глазах кровью умылась, а потом зыркнула в твою сторону?

– Я бы? Я бы нет.

– Ну да, как же. Рассказывай тут.

– Спорим?

– Брехло.

– Сам брехло.

Мы молчали. За окном стрекотали насекомые, шумела речка. Под полом шуршали мыши.

– Мих, а Мих.

– Чего?

– Думаешь, это правда все?

– Про сестер-близняшек?

– Да нет. Про ведьму. И про проклятую деревню.

Через три дома от нас завыл Джек. Он на той неделе цапнул дядь Славу, так что теперь сидел на цепи. Вот и жаловался.

– Мих.

Я вспомнил вопрос.

– Мож, и правда. Тебе-то чего? Укаташь в свой город, маманька с папанькой защитят. Да и не водятся у вас там ведьмы.

Моя маманька повесилась, когда мне шесть было. С утра приготовила оладьи, подмела в комнатах, ковер выбила. А потом пошла в сарай, сделала петлю на балке, на ведро перевернутое залезла и шагнула. Мы с батей так и не поняли, почему.

– Мих, а Мих.

– Ну чего тебе?

– А было бы круто здесь переночевать, да?

Я всегда любил дурацкие затеи.

Сначала мы двинули к Арбузу. Бабушке сказали, что у меня заночуем. Костер во дворе жечь будем, картошку запечем, хлеба пожарим. А батя за нами проследит. Бабушка разрешила, снарядив нам с собой пакет еды и заставив Арбуза взять ветровку.

Батя был на смене, так что ко мне мы забежали, только чтоб взять одеял. В штаб-квартире мы ночевали и раньше. Лежали кто где и слушали истории о похождениях Юрца. Было весело, считай что кино смотрели. В жанре фантастики.

Мы перетащили в дом две охапки поленьев и растопили печь. С Усвячи тянуло холодом, стены были хлипенькими, так что ночью можно было и задубеть. Да и как-то спокойней с печкой, уютней или типа того.

Решили нести дежурство у окон. Домик был маленький – одна комната с прихожей, зато выглядывать можно и на реку, и на улицу. Лампочку мы не включали, запалив несколько свечек и убрав их вглубь дома, чтоб снаружи не так заметно было. Когда солнце закатилось за ельник и Церквище окончательно накрыла темнота, стало чуточку не по себе. Шорохи сделались громче. Голосила ночная живность, хлопали крылья. На вой Джека будто откликнулся кто-то из леса.

Надолго нас не хватило. Торчать у окон оказалось страшновато – вдруг и впрямь кого за стеклом увидишь? На словах-то все здорово, а вот на деле... Да и в сон клонило, чего уж там. Мы разбрелись по лежанкам, поболтали ни о чем и стали засыпать. О плане по убийству ведьмы никто даже не заикнулся.

Глубокой ночью меня разбудил шум. Это Арбуз проверял щеколду на двери, словно та могла спасти от настоящей ведьмы. Кажется, ему было совсем не круто. Он обернулся со свечой в руках, и полоски на его футболке зашевелились. На лицо легли неровные тени.

– Мне в туалет надо, – сообщил он. – А там темно совсем.

– Ага. И силы зла уже ждут. Видал, как крыжовник разросся? Теперь там кто угодно спрятаться может.

– А тебе не надо?

– Не-а, – ответил я. Хотя мне было надо.

Арбуз замолчал. Подошел к окну. В реке что-то плескалось, квакали лягушки. То и дело сверху прилетали крики сычей.

– Надо бы еще поленьев принести, – сказал он. – Мало осталось.

– Нормально осталось.

Арбуз взгляделся в черноту снаружи. Вздохнул, поставил свечку на подоконник и вышел на улицу. Я с трудом сдержал смех.

Но через минуту веселье как рукой смахнуло. Арбуз ввалился в дом и тут же запер дверь. Я вскочил и спросил:

– Она?

Арбуз кивнул. Я вдруг почувствовал холодок. Такой противный, с душком сырого подвала.

– У дома дяди Славы ходит. Лампа над калиткой горит, а она... Потому Джек и воет.

Из меня словно весь воздух выбили. Ладонки вмиг вспотели.

– Тебя заметила?

Арбуз пожал плечами. Я погасил свечи и подошел к окну. Кроме дядь Славиного дома, рядом стояли только брошенные – слишком темно, чтоб чего-то разобрать. Фонари здесь давно не работали.

– Мих, зря мы, наверное...

Зашелестела трава под окном со стороны реки. Кто-то продирался через крапиву. Мы затаились. Свет в штаб-квартире давали только пунцовые угольки в печной пасти. От сильного порыва ветра задрожал дом, и снаружи потянуло гарью.

По стеклу заелозило, точно мокрым пальцем грязь стирали. Арбуз медленно отшагнул от окна. Закряхтела половица, выдавая его с потрохами. С той стороны стены послышалось бормотание. Мокрый палец уткнулся во второе стекло.

– А если Юрец прикалывается? – спросил я.

Арбуз не ответил – он тихонько подгробал к себе кочергу. Вокруг дома кто-то шнырял. Пыхтел, ворчал, дотрагивался до ставен, под его весом прогибались доски крыльца. Но дверь никто не трогал.

Все затихло. Полная луна выкатила из-за туч, и возле дома чуть посветлело. Я подобрался к окну и разглядел на стекле черные рисунки. Какие-то символы, вписанные в круги звезды, фигурки зверей.

– Мих, Миха...

Арбуз стоял у самой двери.

– Если вдвоем выбежим, то не поймает, да? Не поймает же?

Я зачем-то кивнул, хотя в голове уже прикидывал, кого из нас бабка Софья схватит. Арбуз был толстый, неповоротливый, но у него кочерга. Я мог вылезти из любой дырки, мог за десять минут сбегать до магазина и обратно, но у Арбуза-то кочерга. Сидеть в доме было

нельзя, я как будто чувствовал, что колдовские рисунки смотрят на нас из темноты. А вместе с ними смотрит кое-кто еще.

Мы хотели выждать момент, когда зашуршит и заскребет в другой части дома, но ведьма затаилась. Договорились вылететь на счет «три». Дернули дверь, припустили вперед... и тут же наткнулись на бабушку Софью. Она поднялась с земли возле крыльца, перемазанная и жуткая. Я махнул через перекладину над ступеньками, но зацепился за нее и так вывернул ногу, что боль прошла от пальцев до самого копчика. Рухнул в кусты и застонал. А потом увидел, как Арбуз, пытаясь протиснуться между перилами и ведьмой, умудрился врезаться и туда, и сюда. Бабушка Софья вскрикнула, теряя равновесие. Из ее рук выпала банка, раскололась о доски – и ноги Арбуза окатила темная жижа. Кочерга свалилась в траву, бабушка следом за ней. Арбуз подбежал ко мне, помог подняться, и мы дали деру куда глаза глядят.

Но далеко уйти не получилось. Ступня болела и как будто сделалась на пару размеров больше. Мы еле доковыляли до забора дядь Славы. Я оперся на него, чтоб отдышаться, и увидел знаки. Увидел их и Арбуз.

– Чего это? – спросил он.

Я сполз на траву и стал тереть ногу. Сперва было очень больно, потом просто покалывало, а теперь ниже голени начало неметь.

– Чего-чего, – ответил я, – отметины колдовские! Вот почему деревня пропадает! Юрец же говорил! Из-за этой все!

«Эта» не показывалась – растворилась в темноте у штаб-квартиры. Арбуз глянул вглубь деревни. Здесь жилых домов было мало. Какие-то на треть провалились в землю, какие-то ссохлись и впустили в себя растения. Можжевельник, папоротник, дикие розы оплетали брошенные избы со всех сторон. А впереди над домами поднимался огромный столб черного дыма.

Арбуз всхлипнул:

– Мама...

Дым напоминал колдовской смерч. Казалось, сейчас он сорвется с места и проглотит нас со всей деревней. Вокруг него бесновались вороны – они каркали, налетали друг на друга и бросались прямо в черное марево, будто пытаясь оторвать от него кусочек.

Арбуз застучал по забору, стал звать дядь Славу, но замолк, оказавшись у калитки. Лампа гудела, высвечивая заляпанные ноги, пятна на пальцах, знаки на досках...

– М-мих, это что, кровь?

В темноте у дома Юрца шевельнулось, закричало.

– Надо двигать, – сказал я. – Быстро!

Двигать оставалось только в одном направлении – к дачному поселку. Не в глухой же лес подаваться, не говоря уже о дымящем участке старой ведьмы. Арбуз помог мне встать, я обнял его за шею и запрыгал на одной ноге.

Мы ковыляли по узкой тропе сквозь ивняк у реки, а за нами следом трещали ветки. Бормотание и шамканье могло бы нас подгонять, если бы у Арбуза не кончались силы, а я все больше на него не наваливался. Ведьма догоняла.

У старого лодочного причала стало ясно, что дальше я не хожок. По крайней мере, без отдыха. Одна нога как будто потерялась по дороге, как будто и не было ее вообще, а вторая болела так, словно я месяц не снимал батин кирзовый сапог.

– Все, хана, – сказал я. – Дальше если только по воде.

Травы на берегу было по колено, на склоне лежали останки сгоревшей лодки. Сколоченный из старых досок настил уходил в воду и пропадал в тине. Вокруг плавали кувшинки, в лицо и глаза лез гнус. Арбуз посмотрел в холодную черноту под ногами и поморщился. Он тяжело дышал, держался за бок и явно не хотел открывать купальный сезон.

– Ты б дальше двигал, – проговорил я, – я сам как-нибудь.

– Один я не могу. Погоди... – Он глянул в сторону зарослей у болотной заводи, подпрыгнул и сорвался с места. – Сейчас!

Я улыбнулся, потому что тоже вспомнил. Прошлым летом мелкие в индейцев играли и где-то здесь бросили свое корыто. Лишь бы никто не упер.

Из кустов взлетела выпь с лягушкой в клюве. Арбуз вскрикнул, что тот индеец, и чуть не упал. Но вскоре запыхтел, волоча по земле маленькую лодчонку. Каноэ не каноэ, дырявая или нет, но хотя бы дно на месте.

В этот момент из ивняка вышла бабка Софья.

Мы кое-как сбросили лодку на воду и угнездились внутри. Вообще говоря, это было натуральное корыто, которое дядь Олег, батя одного из «индейцев», приспособил под игры в лягушатнике. Я отломал от настила доску и оттолкнулся. Лодку подхватила Усвяча, по дну тонкой струйкой поползла вода.

Бабка Софья стояла на берегу и смотрела на нас. Потом медленно опустилась на колени, подобрала прутик и стала выводить на земле свои каракули. Мы старались двигаться аккуратно, чтобы сразу на дно не пойти. Я подгребал к основному течению, а Арбуз вычерпывал воду.

Бабка Софья резко выпрямилась, насколько могла быть прямой горбатая карга. Мы отдалились от нее метров на тридцать, когда из Усвячи поднялись рога. Арбуз охнул и дернулся, едва не перевернув лодку. Меня скрутило холодом, но не из-за ледяной воды, которая пробивалась к нам снизу. На берег выходил огромный человек-козел. Мохнатый, что твой полушубок, рога – с полметра каждый. Он выбрался уже по пояс, а потом вдруг обернулся к нам. Арбуз застонал:

– Мама.

Черт – а как его еще назвать? – двинулся обратно. Громадные рога рассекали воду, пока не исчезли на глубине. Берег тоже был пуст. Бабка Софья схоронилась в темноте. Усвяча потянула нас вниз по течению, по прочерченной луной дорожке.

Мы проплыли всего ничего, но уже продрогли насквозь. Прямо под нами текла черная вода, то и дело окатывая борта лодки волнами. Просачиваясь сквозь дно, хватая за ноги. Руки посинели, пальцы долбились друг о дружку. Арбуз стучал зубами и говорил, как заяц из моего класса. Вычерпывать воду становилось все труднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.